ISSN 0131—5994

7'90

июль

РОВЕСНИК

Всемирный Молодежный Телеграф

РИМ. В Италии издан новый закон об университетах, по которому престижные учебные заведения пользуются преимущественными правами для получения правительственных дотаций, всем остальным субсидии урезаются, а значит, многие студенты лишатся стипендий. Закон вызвал настоящую бурю протестов — итальянские студенты просто-напросто оккупировали университеты. Они организовали своеобразные забастовочные комитеты и начали в печати кампанию против нового закона. На улицах городов появились нарисованные краской изображения пантеры, которая символизирует решительность студентов. Пантера уже показала законодателям зубы, но сможет ли она победить?

ЛЕ. Во многих городах и странах, где случаются 30-градусные морозы, дети с разрешения взрослых в школу не ходят. Холодно. А ребята из высокогорной тибетской деревушки Пидмо, расположенной в Гималаях, в индийском штате Кашмир, ждут не дождутся сильных январских морозов, потому что только тогда бурная река Занскар превращается в дорогу. Дорогу в школу.

От 10 до 20 дней находятся в опасном пути тибетские филипки, чтобы добраться до ближайшей школы в городке Ле. Буддийские монахи, преподающие там, учат их английскому языку и хинди, математике и игре в крикет.

Стоит ли говорить, что дети, одолевшие рискованный и для взрослых переход, усердно повторяющие при свете костров на привалах таблицу умножения, впервые в своей маленькой жизни видящие равнины и деревья, дома из бетона и машины, фрукты и письма, нищих и парикмахеров, на радость учителей-монахов, ходят только в отличниках? Интересно, смогли бы они понять, что это такое «прогулять школу»?

ИСЛАМАБАД. В Пакистане пуританские нормы цензуры требуют «вырезать» из фильмов даже поцелуи, и все же черный рынок наводнен порнофильмами. Их показывают в импровизированных видеотеатрах — комнатах, где стоит видеомагнитофон и телевизор, куда набиваются толпы людей. Мусульманские лидеры страны требуют от правительства запрещения всех видеозаписей.

В некоторых странах третьего мира видео действительно запрещено — не только по причине его развращающего воздействия: многие правительства больше озабочены возможностями видео в руках оппозиции. В странах с диктаторскими режимами диссиденты снимают документальные видеофильмы в противовес официальным новостям. Эритрейские повстанцы используют видеозаписи для пропаганды на Западе и в США своих «боевых подвигов». На оккупированном Израилем западном берегу реки Иордан палестинцы снимают на видео стычки между гражданским населением и израильскими солдатами и передают материал иностранным информационным агентствам. В Бирме из рук в руки передаются видеозаписи лидеров оппозиции.

Видео пришло даже в африканские племена: вожди племен записывают на пленку беседы с правительственными чиновниками, чтобы иметь доказательство даваемых им обещаний.

ЧИКАГО. «Сабстенс», учительская газета, издающаяся в Чикаго, рассказывает о фактах глупости, некомпетентности, коррупции, насилия среди учителей в средних школах. Девиз газеты: «Там, где невежество — норма, там ум — бунт. Читайте «Сабстенс» — будьте бунтарями».

Именно эта газета разоблачила Джеймса Моффата, директора одной из школ, который сейчас отбывает тюремное наказание за сексуальное насилие над школьниками. «Сабстенс» вскрывает такие факты, как, например, бессмысленная растрата 6 миллионов долларов на ремонт 21 школы, которые через три года после ремонта все равно были закрыты.

Газета не приносит особых доходов ее сотрудникам — учителю Джорджу Шмидту и добровольным корреспондентам-учителям — им часто приходится рыться в собственных карманах, чтобы найти средства на издание очередного номера. Газету не раз пытались закрыть в судебном порядке, но всякий раз Шмидт отстаивал право «Сабстенс» на свободу слова.

Шмидт, во времена войны во Вьетнаме отказавшийся идти в армию и направленный учителем в школу в гетто, еще тогда издавал антивоенную солдатскую газету.

Вот уже 14 лет он издает «Сабстенс» и удивляется, как много среди ее читателей директоров школ и функционеров министерства образования: «Наверное, они хотят знать, что мы о них знаем»,— говорит Шмидт. На вопрос, зачем нужна его газета, Шмидт, не задумываясь, отвечает: «Чтобы заставлять бюрократов быть честными».

ЛЕЙПЦИГ. «Наши ряды состоят из парней не старше 23»,— говорит Михаель Циммерман, лидер молодых национал-демократов, которому исполнилось 22. В основном это неквалифицированные рабочие, ученики на заводах, школьники, бросившие учиться. «У нас 1500 активистов только в Берлине»,— говорит другой юный неонацист, Конрад Вайс.

Еще при Хоннекере банда неонацистов ворвалась в синагогу в Восточном Берлине с криками «жги евреев» и «Хайль Гитлер». Тогда их арестовали, и они были осуждены. Особый всплеск неонацизма наблюдается сегодня. На стенах домов в Дрездене появились надписи типа «Гитлер жив», в муниципалитет Эрфурта поступают анонимные звонки: «Печи Бухенвальда все еще в рабочем состоянии, они вас ждут». Осквернен монумент павшим советским воинам в Берлине.

«У меня огромные надежды»,— заявил лидер молодых неонацистов ФРГ Михаель Кюнен.

ВАШИНГТОН. В США разработана новая программа борьбы с наркоманией. Среди ее рекомендаций есть, например, такая — лишать родительских прав тех, кто нарушает американское законодательство, запрещающее употребление наркотиков. Достаточно трижды попасться за этим занятием, чтобы у наркомана отняли ребенка. Очевидно, в США многократно возрастет число детей-сирот. Намечено строительство дополнительных детских домов.

В другом пункте программы говорится о необходимости установления круглосуточного дежурства школ в районах, пораженных наркоманией, чтобы дети в любое время могли найти здесь помощь и ночлег.

Новая программа делает акцент на лечении детей-наркоманов в реабилитационных центрах.

В НОМЕРЕ:

4. В. Смирнов. ГУД МОРНИНГ, РЕБЯТА!
9. Ольга Папкова. И СНОВА — ПРАЖСКАЯ ВЕСНА
10. Массимо Дини. ЭЛЬФЫ
12. Десмонд Моррис. ОДЕЖДА И СОЦИОЛОГИЯ
14. Алексей Поликовский. ТРЕТИЙ АД ВЕРТЕРА
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Стэнли Бут. ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ПЕСНЮ, НУЖНЫ ДВОЕ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Ди Снайдер. КУРС ВЫЖИВАНИЯ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
29. П. Вагина. «УВАЖЕНИЯ!»

На первой странице обложки: курсанты Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР Иван Татаркин и Игорь Карчевский во время поездки в США, где они побывали по приглашению американской военной академии Вест-Пойнт. Своими впечатлениями советские курсанты, а также кадеты Вест-Пойнта, с ответным визитом посетившие Московское командное училище, делятся на страницах 4—8.

РОВЕСНИК '90

№7 июль

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 17.05.90. Подписано в печ. 09.06.90. А02358. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 960 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2098.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Такое случилось впервые в истории советско-американских отношений: в целях укрепления доверия между «вероятными противниками» военная академия США Вест-Пойнт и Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР обменялись своими слушателями. Американские кадеты принимали в Вест-Пойнте группу советских курсантов, а советские курсанты — американских кадетов у себя в Москве. Впечатлениями об этих встречах делятся Игорь Карчевский, Тимофей Тимофеев, Джоел Ван Тимерин и Кевин Макэлистер.

Игорь Карчевский. В аэропорту Кеннеди нас встречали кадеты, каждый уже знал, кто из курсантов — его личный гость. Меня встречал Джоел Ван Тимерин.

Нас привезли в Вест-Пойнт. И вот что мне понравилось — никакой показухи: как они жили до нас, так и продолжали жить. Встречи со знаменами, цветами не было. Зато максимум внимания и уважительности к нам.

Там вообще приняты вежливость и доброжелательность. Идет кадет по улице, увидит другого кадета — они обязательно друг с другом поздороваются — на 100 процентов!

Кадеты живут в комнатах по 2—3 человека. Джоел привел меня к себе, выделил шкаф для вещей, и мы сразу пошли на ужин.

ГУД МОРНИНГ, РЕБЯТА!

Столовая огромная, на 4 тысячи человек. Потолки как в соборе, окна вытянутые, готические. Официанты из наемного персонала (там вообще всю работу по обслуживанию кадетов выполняют наемные работники, в основном негры. Поэтому у кадетов нет нарядов по кухне, по уборке территории, нет дневальных службы. Нет у них и караульной службы. Правда, ночью на этаже дежурит кадет — но не в форме, сидит по-домашнему, читает что-нибудь).

Кадеты подходят к столам, но не садятся — ждут команды. Ее дает командир бригады — девушка! Ей 21 год. В академии 10 процентов кадетов — девушки, они несут службу наравне с остальными. Но если парень-кадет заходит в комнату девушки-кадета, то дверь комнаты должна оставаться открытой.

В Вест-Пойнте все командные должности занимают сами кадеты. Есть там и настоящие офицеры, но всего по одному на роту. Их и не видно.

За столом сидят кадеты с разных курсов — младшего и старших. Старшекурсники на бумажке пишут, что желают есть, а младшие кадеты, так называемые плебеи, их обслуживают и напитки разливают, кому какой. Кому со льдом, а кому — без.

Младшие кадеты официально называются плебеями и должны беспрекословно подчиняться всем остальным кадетам. Там эта система узаконена даже в уставе, где так и записано: плебей — это еще не кадет.

Плебей имеет право передвигаться только вдоль стен, а если в стене ниша, обязан обозначить ее. Плебею нельзя пересекать ни коридоров, ни площадок. Скорость передвижения плебея — 170 шагов в минуту, почти бегом.

Любой кадет может остановить плебея и с ходу спросить, например, тактико-технические характеристики системы «Брэдли». Если плебей не отве-

тит, то в его книжечку для записи нарушений кадет записывает, в чем провинился плебей и какую меру наказания он рекомендует, например два часа строевой. А плебей обязан представить карточку с записью своему командиру. Не сомневайтесь, плебей это сделает. Потом возьмет свой карабин и ровно два часа будет ходить по плацу, хотя никто его не контролирует.

Как-то Джоел говорит мне: пойдем, познакомлю тебя с моим плебеем. Заходим в комнату, там парень сидит, что-то пишет. Как увидел Джоела — сразу вскочил и принял стойку. Джоел меня представил — я руку пожимаю, хотя, как я понял, не надо было этого делать, но я не удержался.

Вообще-то мы сразу заметили, что с плебеями не следует держаться как с равными: это могло обидеть кадетов, да и сами плебеи нас бы не поняли. Когда я за столом дарил кадетам сувениры, то плебеям ничего не дал. Но когда кадеты ушли, я кое-что подарил и плебеям, правда менее стоящее.

Так вот, зашли мы с Джоелом к его плебею — вроде как с инспекцией. Джоел достает платок и начинает: открывает шкаф, платком протер по полке, смотрит — чисто, пыли нет. Провел платком по подоконнику — оп! — чисто. Полез под кровать — везде чисто!

Не подумайте, что он этого плебея донимает — так он учит его, воспитывает. И в то же время они дружно живут. Для плебея не унизительно быть плебеем: ведь все через это проходят, такой порядок. В Вест-Пойнте даже грамоты существуют — «Лучшему плебею!»

Система плебейства — это закалка: выдержишь — значит, ты правильно сделал, что пришел в Вест-Пойнт. Остальные отсеиваются. Из 1500 поступивших в академию заканчивают ее только 900 кадетов.

Мы ходили на концерт в кадетский клуб. Зал на четыре с половиной тысячи мест, сцена как в театре, оркестровая яма, кресла мягкие. Тут же бары — вечер всегда провести можно. Как раз в Вест-Пойнте был праздник «100 дней до выпуска». Выпускной курс выступил со спектаклем: все, что набралось за четыре года обучения,— разные смешные истории. Декорации великолепные. Оркестр помогал. Кадеты и сами — кто на саксофоне, кто на рояле, танцуют, песни поют — ну, актеры! А когда на сцену вышел начальник академии с рогами — это вообще нас убило. Мы не сразу поняли, что перед нами загримированный кадет. Он песню какую-то спел — весь зал лежал. Офицеры тоже аплодировали — там это в порядке вещей.

На бал со всей Америки приехали подруги и невесты кадетов. Невеста Джоела тоже приехала. Он меня представил. На ней бальное платье до пят, белое, блестит, сверкает. Самый настоящий бал был!

Начальник академии, генерал Палмер, пригласил нас к себе в гости. Дом белый — его в Вест-Пойнте так и называют Белый дом. Американский флаг, как положено, и — вот что меня поразило — лозунг «Бит нейви!» («бей моряков») висит. В Вест-Пойнте везде этот лозунг: «нейви» — их главный соперник по соревнованиям.

День в Вест-Пойнте начинается с построения. Там за день всего два построения. После завтрака кадеты расходятся по своим комнатам, собирают учебники и самостоятельно, то есть не строем, идут на занятия. В каждой учебной группе по 16 человек. В классе — столы на колесиках, их расставляют, как удобно преподавателю и кадетам — полукругом или буквой П. У всех кадетов есть распечатки лекций. Преподаватель ведет урок, а кадеты только делают пометки по тексту, конспектировать ничего не нужно.

Если какой-нибудь кадет заснет на уроке, на него никто не обращает внимания. Личное дело каждого, как приобретать знания. Кадеты сами выбирают себе предметы. Практически нет военных дисциплин, почти все предметы общеобразовательные.

У каждого кадета в комнате свой компьютер, подключенный к центральному банку данных. Например, вечером кадет делает на компьютере домашнее задание, а на следующее утро преподаватель уже на своем компьютере может посмотреть, как это задание выполнено.

После занятий ни одного кадета в форме не увидишь. Все переодеваются в спортивное и бегают. Такое впечатление, что весь Вест-Пойнт только и делает, что бегает до самой ночи.

В Вест-Пойнте — три стадиона, три бассейна, хоккейное поле с искусственным льдом, трасса с искусственным снегом, трамплином, подъемником, волейбольные, баскетбольные площадки, теннисные корты. У кадетов сильнейшая команда по американскому футболу, когда она играет с «нейви», то стадион на 40 тысяч мест набит до отказа.

Те кадеты, которые добиваются больших спортивных достижений, имеют право носить на своих куртках нашивку — букву А.

Здоровый образ жизни. Джоел сказал, что знает только двух кадетов, которые курят. Там в клубе разрешается покупать спиртное тем, кому исполнился 21 год, но ни одного не то чтобы пьяного, даже чуть захмелевшего я там не видел. Они говорят: пьянство — привилегия тех, кто в подземке ночует. Я спросил, а не боятся ли они СПИДа? Они говорят: нет, не боимся: мы с проститутками не общаемся, наркотики себе не колем, мы — здоровая часть общества.

В Вест-Пойнте три церкви. Джоел очень религиозный. Мы ходили с ним в церковь. Он познакомил меня со священником. Церковь огромная и вся заполнена народом: кадеты, офицеры с женами и детьми, орган играет, хор кадетов поет. Священник вышел — читает молитву, потом взбирается на площадку, такую, типа трибуны — и вроде

бы лекцию по экологии читает. Потом он о долге и чести говорил. То есть, как я понял, у них церковь вроде нашей политчасти. Я заметил, она неплохо с этим справляется.

Мы с Джоелом ходили в воскресную школу, где Джоел и другие кадеты проводят для местных детишек уроки нравственного воспитания. На магнитофоне — молитва в исполнении рок-группы в стиле хэви-метал, и все дети тоже поют. Потом они меня про Советский Союз расспрашивали.

Однажды вечером, незадолго до отбоя, сидим у себя в комнате. Тут Джоел вспомнил, что ему нужно зайти в штаб, взять какую-то бумагу: Джоел — кадет-офицер оперативного штаба. Он извинился и вышел. Было 25 минут двенадцатого. В 11.32 зашел офицер с повязкой на рукаве. Оказывается, за полчаса до отбоя нельзя покидать комнату. Я единственный из на-

шей группы видел, что кадетов все-таки контролируют офицеры.

Тут же Джоел вернулся. Потом зашла командир роты, девушка, и отчитала его. Смотрю, настроение у Джоела не очень. Казалось бы, что произошло: подумаешь, опоздал на несколько минут! Спрашиваю, что ему может за это быть? Могут лишить звания кадета-лейтенанта, сказал он. Тогда я без задней мысли говорю ему: мол, скажи, что тебя русский кадет послал пепси-колки купить. Вали все на меня. Мне все равно ничего не будет.

Он так посмотрел на меня: ты что! Тогда я еще не знал, что у них в Вест-Пойнте существует Кодекс чести — моральные заповеди кадета. За вранье запросто могут исключить из академии. У них в Вест-Пойнте девиз: «Долг, честь, родина» — слова генерала Макартура.

За любую кражу тоже сразу исключают. Там все лежит: фотоаппараты, плееры, кассеты. Дверь настежь — никто ничего не возьмет.

Никогда даже не догадывался, до чего сознательные люди могут быть — не один-два человека, а все! Я понял, теперь у меня есть с кого пример брать. Это я серьезно говорю.

Я в американском кадете врага не вижу. Мы прощались, и я говорил, и они говорили: я не хочу войны, я не хочу в тебя стрелять — они все мне это говорили, и я тоже.

Тимофей Тимофеев. Так получилось, что я первым прошел паспортный контроль и мне первому пожал руку американский кадет — Кевин Макэлистер. Фотограф Рик Хантер запечатлел момент — и мы с Кевином попали во все американские газеты.

В газету Вест-Пойнта тоже. Ее выпускают сами кадеты. Хорошая газета, ежедневная, объемом, как наша «Неделя».

Кевин ужасно удивился, что я так хорошо говорю по-английски. А он совсем не говорит по-русски. Бывало, идешь с ним по Вест-Пойнту, навстречу какой-нибудь кадет улыбается и говорит: «Дбрдн». Тоже улыбнешься, кивнешь и думаешь: что же он сказал? Спрашиваю Кевина, а он: «Это тебе по-русски «Добрый день» сказали». Потом я узнал, что всем кадетам перед нашим приездом раздали распечатки с русскими приветствиями.

В первый же вечер Кевин повел меня на радиостанцию. У кадетов своя радиостанция, ребята сами делают передачи и транслируют их на весь Вест-Пойнт. Кевин — диск-жокей музыкальной программы, которую передают раз в неделю. Он как раз должен был выходить в эфир.

Я «хард энд хэви» увлекаюсь, и мне было лестно узнать, что я в курсе последних американских новинок. Кевин предоставил мне микрофон, чтобы я выступил перед кадетами. Я сказал, что рад быть в США, в Вест-Пойнте. «Все вы отличные ребята,— сказал я,— и я хочу, чтобы для вас была исполнена одна из вещей Элиса Купера «Пойзон». Как только песня прозвучала, кадеты стали звонить к нам в студию, и каждый: хочу поговорить с русским кадетом. Скажи что-нибудь по-русски. Конечно, забавно было с ними разговаривать: кроме «здравствуйте» и «добрый день», они ничего не знали.

У всех кадетов в комнатах стоят телефоны. Им звонят друзья и подруги со всех концов Америки. Слышу звонок — снимаю трубку: «Здравствуйте, вам кого?» На другом конце, конечно, в замешательстве. «Нет, вы туда попали,— говорю я.— Кого позвать? Кевина или Джима?» Девушка говорит: «Кевина. Я его подруга из Нью-Джерси». Я говорю: «Его сейчас нет дома. Можете поговорить со мной. Я русский кадет из СССР». И так мы здорово беседуем.

В Вест-Пойнте есть традиция: в праздник «100 дней до выпуска» на один час кадеты выпускного курса становятся плебеями. И Кевин должен был, как полагается плебею, бегать вдоль стен. Забавно.

Мы с Кевином жили душа в душу. Он человек общительный, у него много друзей. Всегда вокруг нас — компания. И девушкам он нравится: у него в Вест-Пойнте прозвище «ледизмэн», дамский угодник. А здесь его наши «Бизоном» прозвали.

В Вест-Пойнте у каждого взвода, роты, полка свой девиз. У роты Кевина девиз «Вперед, бизоны!» А у его полка был девиз «Го уайлд вест!» — «Вперед на Дикий Запад!» Бывало, на построении первый батальон кричит: «Го!», второй: «Уайлд!», третий: «Вест!»

Плебеи имеют всего два увольнения в год. А остальные кадеты, как пришел вечер — пожалуйста, езжай куда хочешь. Нужно лишь вернуться к отбою. На уик-энды кадеты разъезжаются кто куда. Почти у всех свои автомобили. У Кевина — «крайслер». Мы катались по окрестностям. Стереосистема в машине стоит. Едем, звучит музыка, хорошо.

Кевин старается ездить аккуратно. Превышение скорости на одну только милю — штраф в 25 долларов. А если, например, ограничение на дороге в 20 миль, а ты едешь со скоростью 55? Подсчитайте, во сколько обойдется это удовольствие. Однажды Кевину пришлось уплатить штраф в 300 долларов.

Кадетам платят стипендию в 550 долларов, но на руки — только 290. Остальные деньги автоматически отчисляются от стипендии на оплату услуг, питания, за форму, пользование компьютером и так далее.

Кадеты имеют право на заем в 12 тысяч долларов. Все стараются купить себе автомобиль. Такой, как у Кевина, например, стоит 18 тысяч. Практически каждый кадет имеет вклады в акции фирм. Кевин вложил деньги в фирму, выпускающую электронное оборудование.

Кадеты стремятся быть финансово независимыми от родителей. Хорошо, что образование в Вест-Пойнте бесплатное, финансируется государством. Но чтобы поступить в Вест-Пойнт, нужна рекомендация от губернатора, сенатора, вице-президента или самого президента США.

Джоел Ван Тимерин. Я как приехал в Москву, каждому говорил «Привет!» и «Здравствуйте!», но Игорь объяснил, что в СССР так не принято — здороваться нужно только со знакомыми.

В училище нас очень хорошо принимают, все к нам добры и внимательны. Был только один случай некорректного отношения: замполит одной из рот резко со мной разговаривал. Раз существуют армии, сказал он, они существуют затем, чтобы воевать друг с другом, мы — вероятные противники, представители враждебных армий. Но потом сам начальник политчасти подошел ко мне, извинился, был очень вежлив, все объяснил.

А однажды в Ленинской комнате я увидел плакат: три американских солдата, один из них показывает на карту СССР — и на рукаве его формы нашивка 9-й пехотной дивизии США. Как раз той дивизии, где я буду служить после Вест-Пойнта. На плакате — цитата из речи Горбачева о том, что нельзя забывать об угрозе империалистического милитаризма и что пока не сложилось гарантий для мира. А я как бы материализовался с плаката, чтобы привезти гарантии.

Жизнь в училище очень занятая: курсанты всегда какую-нибудь службу несут. У нас в Вест-Пойнте больше свободного времени. Я выполнил свои обязанности — сел в автомобиль и уехал. А тут невозможно.

Целая рота живет в большой комнате. Но когда люди учатся, нужна тишина. Курсантам труднее, чем нам, готовить домашние задания. На лекции курсанты ходят целыми ротами, записывают за преподавателем все, что он говорит, в свои тетради. Наверное, материал так лучше усваивается. Я сам использую этот метод, когда готовлюсь к экзаменам.

Уроки нас удивили — почти одни военные дисциплины. Даже учебник английского языка весь посвящен военной тематике. У нас в Вест-Пойнте учат разговорному русскому. Нам дают образование для повышения культурного уровня. А военными дисциплинами в основном мы занимаемся после Вест-Пойнта, непосредственно в армии. И немного в летних лагерях.

Нас удивило, что здесь так много офицеров — они руководят каждым действием курсанта. Понятно: такая система. У нас в Вест-Пойнте, в классе русского языка, висит советский плакат «Дисциплина — мать победы». Да, дисциплина необходима, но в вашей и в нашей армии к ней разные подходы. Здесь много построений, все ходят строем — это система коллективного воспитания. В американской армии к дисциплине индивидуалистский подход, то есть главное — уметь принимать самостоятельные решения, нести за них ответственность. Например, вы получили приказ, но обстановка изменилась, и приказ потерял смысл — тогда вы сами должны принять новое решение. А система коллективной дисциплины требует беспрекословного выполнения приказов. Не подумайте, что я критикую, но наша система мне нравится больше. Хотя у каждой системы есть свои плюсы и минусы. На мой взгляд, каждая армия отражает то общество, которому она служит.

Здесь много строевой подготовки. Наверное, тоже в целях воспитания дисциплинированности. У нас есть строевая подготовка, но немножко. Если честно, мы ею занимаемся, потому что это туристам очень нравится. А на параде мы ходим совсем не так — не тянем носок, не печатаем шаг, просто идем. У нас парады проходят на травяном поле для гольфа.

Курсанты тоже много занимаются спортом. С утра — физзарядка. Мы тут плавали и играли в баскетбол. Но у нас в Вест-Пойнте к спорту относятся по-другому. Главное — не физическая подготовка, а победы в соревнованиях. Каждый стимулируется на победу, все друг с другом соревнуются. У нас всегда какие-нибудь соревнования. Конечно, тяжело: ты всегда в напряжении, но так принято в Америке. Ты соревнуешься с соседом, с прохожим, с каждым.

Меня очень удивил фильм, который нам здесь показывали,— «Интердевочка». Сделан почти как американский фильм! Еще меня удивила баня. У нас — сауна, а здесь вениками машут.

Кевин Макэлистер. Я ожидал чего угодно, а теперь все так естественно. Хоть я плохо говорю по-русски, мне все время кажется, будто каждый мечтает со мной поговорить. Даже по ночам ко мне подсаживаются поговорить курсанты. Я не хочу мешать другим спать, и мы выходим говорить на лестницу или в душ. Мне нравится быть в центре внимания. Журналисты все время задают вопросы, фотографируют. Я чувствую себя кинозвездой. А спать приходится в автобусе, когда нас возят на экскурсии.

А утром — подъем! Вся рота тут же вскакивает. Не успеваешь глаза открыть — а все уже одетые.

Тут я еще больше подружился с Тимом (Тимофей Тимофеев.— Ред). Мы обязательно будем держать друг с другом связь. Он мне во всем помогает и учит русскому языку. Когда офицер обращается к курсантам, они ему отвечают: «Жжж-жжж-жжж!» Я никак не мог понять, что они говорят. Тим объяснил, что так принято приветствовать офицера.

А в Эрмитаже со мной произошел трогательный случай. У меня пуговица от шинели оторвалась, но женщина-гардеробщица заметила и что-то мне сказала, но я ничего не понял. А она взяла и пришила пуговицу. Такого я никак не ожидал. У меня был с собой цветок, и я ей его подарил.

Мы принимали советских детей в пионеры. Советские дети были очень серьезны. Я повязывал галстук! И у меня будет эта фотография!

Еще мы пили чай. Несколько часов пили этот чай и разговаривали. Такого со мной никогда не бывало.

Я не вижу причин, почему нашим странам не жить в дружбе?

Будущие политические решения созревают сегодня в молодом поколении. Здорово! Мы делаем историю. Мне повезло, что я участвую в этом.

Записал В. СИМОНОВ

Потрепанная «шкода» наших друзей лишь устало ворчит, оставаясь позади «мерседесов», БМВ и прочих шикарных лимузинов с австрийскими номерами.

— Опять эти австрияки! — в который раз восклицает Петер, явно не одобряя этот массовый субботний заезд в краевой центр Ческе-Будеёвице, что километрах в тридцати от границы с Австрией.— Открытая граница — это, конечно, здорово, особенно если у тебя куча шиллингов или долларов. А так приходится заправлять целый бак дома, да еще продуктов с собой брать побольше. Австрийцам же у нас раздолье. Скупают тут все по дешевке. Прямо как пылесосы. Нам же у них остаются только достопримечательности...

Но Петер лукавит: «только достопримечательности» — это не так уж мало. Еще совсем недавно Чехословакию и Австрию разделяли мощные пограничные укрепления, а выезд чехов к своим соседям был строго ограничен. После Ноябрьской революции, как называют здесь поддержанную народом студенческую забастовку, одной из первых мер нового правительства был демонтаж многочисленных заграждений на всем протяжении границы и установление безвизового режима. Там, где раньше две страны разделяли несколько рядов колючей проволоки под высоким напряжением, осталась всего лишь вспаханная пограничная полоска и табличка на обочине шоссе «Внимание, государственная граница!». Говорят, что скоро так же будет выглядеть и граница с ФРГ.

В рыночном хозяйстве, к которому сейчас устремлена чехословацкая экономика, спрос, как известно, рождает предложение. Иностранные языки сегодня — «товар» номер один. Русский язык, правда, уже совсем не в таком почете, как в начале перестройки, когда один номер «Огонька» у молодежи приравнивался к двум «Плейбоя». Закрытая ранее информация лавиной хлынула из внутренних источников, да и советское телевидение по зрелищности не конкурент западным программам. Все больше и больше семей приобретают антенны спутниковой связи, и национальное телеграфное агентство ЧТК публикует еженедельные программы ведущих телеканалов мира.

Но у наших хозяев — научных сотрудников из курортного городка Тршебонь — спутниковой антенны пока нет, есть всего лишь самый обычный телевизор «Тесла» с дистанционным управлением. Поэтому вечером ограничиваемся лишь четырьмя программами: местной, советской и двумя австрийскими. Соседи крутят рекламу и фильм, в которых мы, к сожалению, не понимаем ни слова. Первая общесоюзная посылает привет песнями шестидесятых годов. Поэтому останавливаемся «в местном эфире».

И СНОВА — *Пражская весна*

Телевидение начинает передавать отчет о поездке президента Вацлава Гавела в один из новых пражских микрорайонов. Наши хозяева заметно оживляются, предвкушая нечто необыкновенное. Постепенно и мы начинаем смотреть репортаж с таким вниманием, будто это не официоз, а, скажем, ленинградские «600 секунд». Только в роли А. Невзорова — известный чешский драматург и писатель, один из лидеров подпольной в недавнем прошлом «Хартии-77», а ныне — президент ЧСФР.

...Машина с президентским флажком выруливает со скоростной магистрали, соединяющей центр города с микрорайоном «Йижни Мнесто» — своеобразным молочным братцем нашего Южного Чертанова. С одной только разницей: здесь, на юге Праги, железобетонный микрорайон окружают парки и одноэтажные улочки старых деревень, включенных в начале семидесятых годов в черту города. Кстати, одна из улочек «Южного города» еще год назад называлась Сталинова в честь погибших здесь в мае 1945 года советских солдат и офицеров. Сейчас мы этого названия на карте не нашли; впрочем, так же, как и площадь Красноармейцев, площадь Советских танкистов... Меняются названия по всей стране: городу Готвальдову, например, возвращено прежнее имя Элин. Интересно, сохранится ли имя первого чехословацкого президента-коммуниста на карте Москвы?

Президент выходит из машины. Рядом с ним — архитектор, по чьему проекту застраивался микрорайон, руководители городского совета, журналисты — всего человек десять. Поздоровавшись с мгновенно обступившими его мальчишками, президент жмет руки жителям постарше, объясняет цель приезда: «Вот, хотим посмотреть, как вам тут живется».— «Да плохо живем, что там говорить! — восклицает пожилая дама.— Разве это нормально: в домах нет ни магазинов, ни помещений для сушки белья, ни кладовок. Детям здесь даже поиграть негде — везде пустыри да свалки».

Наши хозяева, глядя на телеэкран, одобрительно кивают: «И так везде. Это все коммунисты напридумывали типовую застройку. Разве может человек нормально жить в такой громадине, без сада под окном?»

Это смотря какой человек. Конечно, жить в «Южном городе» не так престижно для пражанина, как, например, в собственной вилле с видом на Град, но по сравнению с московскими бетонными коробками тут райский уголок. Однако ловлю себя на мысли, что просто завидую чехам — их умению ценить удобство и настойчивости, с которой они этих удобств добиваются.

Обсудив с жителями, как лучше налаживать местное самоуправление, президент решает произнести речь. Посреди пустыря возвышается водопроводная колонка, и, избрав ее своей трибуной, невысокий курносый человек в джинсах и кожаной куртке

взбирается на нее под одобрительный гул. Наши хозяева, видя эту сцену, гордо поглядывают на нас. Даже сдержанная бабушка хлопает в ладоши, как девочка-первоклассница: «To je srandický President!»

Перевести этот комплимент нам так и не удается, хотя словцо это, означающее «шутку», «хохму» или «номер», повторяется здесь на каждом шагу. Но что-то по-русски выражение «президент-хохмач» слышать еще не доводилось. А вот для Чехословакии это, оказывается, нормально, и никто не будет тыкать пальцем в этого человека. В. Гавел, конечно, имеет склонность играть на публику, завоевывая все большее количество поклонников. Но именно ему принадлежит очень точное замечание, которое хотелось бы процитировать: «Многие народы удивляются, как это нам удается переживать свои тяжелые времена со смехом. Да им просто не понять, что, не будь этого смеха, нам бы их никогда не пережить». Как тут не вспомнить никогда не унывающего национального героя, всемирно известного бравого солдата.

Во многих витринах городских и сельских магазинов мы встречали плакат, изображающий контуры двух Чехословакий — нынешней и той, какая она будет в 1992 году. Контур будущей Чехословакии, стремящейся занять достойное место в Европе, выше нынешней настолько, что художник пририсовал между ними лестницу. То, что нелегок будет этот путь в Европейское сообщество, сходились во мнениях все наши собеседники — студенты, вчерашние диссиденты и авторы самиздата, а сегодня — журналисты самых популярных изданий. Для этого нужно возродить в старшем поколении почти забытые традиции демократизма, а молодому поколению раскрыть всю правду о прошлом. «Пани учительница, теперь вы нам уже не можете лгать!» — кричат во весь голос школьники на другом плакате.

Нам говорили, что сейчас в стране страшный дефицит газетной бумаги. В скобках отметим, что ни о каком «тетрадном» или любом другом дефиците товаров повседневного спроса даже и речи быть не может. Но газетной бумаги действительно не хватает. Партийным газетам, и, разумеется, не только коммунистическим, большую конкуренцию составили независимые общенациональные и местные издания. Самая популярная из них, пожалуй, пражская газета «Лидовы новины» («Народная газета»). Само название ассоциируется с первой национальной газетой на чешском языке, выходившей в середине прошлого века, во время подъема движения чешской интеллигенции за национальную независимость. Ее создателей чешский народ чтит как национальных героев. Так же, как и тех, кто активно выступал за демократизацию во время «пражской весны 1968 года». Несмотря на то, что «август шестьдесят восьмого» двадцать один год был запретной темой для честных художников, писателей и историков, память об этих трагических событиях передавалась в прямом смысле этого слова через народные сказания.

Сегодня даже дети рисуют на асфальте советский танк, перечеркнутый крест-накрест, и цифры «1968». И вряд ли кто-то специально учил их делать это. Наверное, это очень хорошо, что народная память не может обойти ничего из истории наших взаимоотношений. Но наши соотечественники чехословацкой трагедии почти не помнят и уж, конечно, не представляют, каковы были ее последствия для двадцатимиллионного народа. А чехи и словаки не забыли, как союзные войска задушили их демократизацию. И главное — не простили.

Да, Вацлаву Гавелу сейчас придется не только срочно исправлять ошибки прежнего руководства, но и деликатно сдерживать активный натиск чересчур яростных сторонников чехословацкой независимости: страсти страстями, но борьбу надо уметь вести цивилизованными методами. Как? Например, как это делает «Гражданский форум» в самом центре Праги.

К дому, где находится его штаб-квартира, прикреплены мониторы, по которым раньше, кстати, показывались советские развлекательные телепрограммы и мультфильмы. Но зрителей, прямо скажем, было негусто. Сейчас же вся улочка, впадающая в Вацлавскую площадь, густо заполнена людьми. На экране — бывший первый секретарь ЦК КПЧ М. Якеш. Передается запись одного из последних его выступлений на закрытом партийном активе в Пльзене. Запись сделана тайно, но разошлась по всей стране, особенно после его отставки. Магнитофонная кассета с этой речью есть чуть ли не в каждом доме. Наверное, бывший партийный функционер даже не подозревал о том, насколько он может быть популярен...

Каждые полминуты толпа содрогается от хохота. Чувствуется, что эту речь уже знают наизусть, а наиболее любимые пассажи вызывают особенный восторг...

Юмор — вещь очень тонкая, а иностранный — тем более. Чехам, например, непонятна прелесть «Двенадцати стульев» и подтекст монологов М. Жванецкого. Нам тоже не всегда понятно, отчего банальности бывшего «первого», говорящего про то, что у Чехословакии свой собственный путь, совсем не похожий на советскую перестройку... вызывают такой хохот.

«С улыбкой все идет лучше» — под этим девизом уже сорок пять лет издается сатирический журнал «Дикобраз». С улыбкой — переживать тяжелые времена, с улыбкой — совершать революцию, с улыбкой — делать свою собственную жизнь, достойной лозунга Ноябрьской революции «Правда и любовь должны победить ложь и ненависть».

Ольга ПАПКОВА

Тршебонь — Прага — Москва

ля них время как бы остановилось. Они не хотят порывать с прошлым, с его идеалами. Они объединяются в коммуны, повсюду — от Рима до Флоренции. Правда, этих людей не так уж много.

Самое трудное время для них — зима, когда там, высоко в горах, глубина снега больше метра и заносит единственную тропинку, которая ведет к их поселению. Иногда поселок не имеет связи с внешним миром в течение трех месяцев, но Марио и его друзья по коммуне хиппи не боятся этого. Марио объясняет: «Мы заранее запасаемся продуктами. Проблем с дровами мы тоже не испытываем. Чем я занимаюсь? Чтением. Пишу стихи, веду дневник. Вечерами, перед тем как отправиться спать, мы все собираемся у огня, беседуем, всегда звучит музыка. И все вместе под гитару поем старинные баллады об этой долине или южноамериканские песенки».

Эти люди называют свое место поселком, местечко Каза-Сарти занимает каких-то 26 гектаров в Альпах. Стоит пара крестьянских домов, которые каким-то чудом еще не развалились. Три другие деревушки этой коммуны (Пикколо-Бурроне, Гран-Бурроне и Пасторайо) расположены в часе ходьбы отсюда, если идти через лес. Коммунаров-хиппи всего 30 человек взрослых и 18 детей. Держат трех лошадей, двух ослов, пять коров, около двадцати коз, три собаки и десяток котов. У коммуны две особенности: все ее жители — вегетарианцы, и живут они, как сами утверждают, наслаждаясь свободой.

29-летний Марио родом из Генуи, появился в этих местах лет десять назад. Перед приходом сюда он пытался создать коммуну в Умбрии, но ничего не получилось: коммуна развалилась, и, как обыкновенные крестьяне, его товарищи, каждый в одиночку, принялись обрабатывать свои наделы. И это было уже не первое крушение планов Марио. До этого нечто подобное с ним произошло в Пьемонте.

Поначалу Марио был разочарован, когда оказался в Каза-Сарти, но не потерял веры в свою мечту — или утопию — как хотите: «Для меня — человека, привыкшего к прекрасным холмам Умбрии, это место показалось некрасивым, убогим. Но сегодня я люблю эту дикую природу, и я обнаружил, что плоды каштана можно с удовольствием есть и вместо первого, и вместо второго блюда, и на десерт, и вместо хлеба. Моя мечта — дожить свои годы здесь».

В Каза-Сарти жизнь течет медленно, вровень со сменой времен года. Осенью люди сажают чеснок, лук, рожь, озимую пшеницу. Весной — зелень и овощи. И Марио выглядит счастливым человеком: «Мы живем, как бы проходя полный цикл жизни. Семя становится ростком, росток превращается в де-

Массимо ДИНИ,
итальянский журналист

Эльфы

рево, а на деревьях вырастают плоды. Все, к чему ты прикасаешься, оживает, будто из навоза получается золото. Это удивительно и прекрасно. Ты ощущаешь себя частью чего-то вечного.

У нас самообеспечение продуктами достигает девяноста процентов. Оставшиеся десять процентов из числа наших потребностей — сигареты, кофе, вино и растительное масло. То, что мы получаем сверх необходимого для самих себя (обычно — картофель, сыры и каштановая мука), продается торговцам на ярмарках».

Жителями Каза-Сарти становятся люди изо всех уголков мира. Это финны и испанцы, немцы и швейцарцы, голландцы и канадцы, южноамериканцы. Все должны хорошо работать, но нет никакого принуждения. У этих людей существует разделение труда: кто-то колет дрова, кто-то доит коров, кто-то гонит их на пастбище, кто-то готовит пищу, а кто-то обучает грамоте детей. Дети очень симпатичные: у них здоровые, загорелые лица, на которых не отложилась бледность — печать цивилизации. Они носятся как угорелые, крича на своих нянь. У детей какие-то сказочные имена: Кмвани, Тимсел, Эллендия, Инди, Эльфо, Пейко, Сангита, Амбра, Маргарита. Если хотят, то могут ходить в школу, которая расположена внизу, в деревне, в часе ходьбы, или же могут учиться дома, у родителей. Но в любом случае обязаны отчитаться за полученные знания, то есть сдать экзамены. Это один из законов народа эльфов, другой, кстати, запрещает делать прививки.

Да, Марио выглядит счастливым: «Здесь мои нервы успокаиваются, возможно, потому, что я вспоминаю детство, когда ездил к дедушке, жившему в деревне. Он раскрывал мне секреты природы». Марио, по его словам, сказочно провел то время. Но потом наступили другие времена. Чтобы заработать на жизнь, ему пришлось работать то официантом, то плотником, то маляром. Некоторое время он был служащим в каком-то учреждении, но долго там не выдержал: «Я чувствовал себя как бы заточенным в тюрьму. Я не мог вынести всей этой суеты, вечной зависимости от кого-то, подчинения нелепым порядкам». И в конце концов у него созрело решение покинуть город, убежать от всего этого.

В Каза-Сарти используют любую возможность, чтобы устроить праздник. Так делается, например, когда наступает полнолуние. На стол ставят пирожки, торты с кремом, большие пироги с начинкой. И всю ночь звучит музыка, и люди танцуют при свете свечей. «Даже смерть не пугает меня»,— с улыбкой говорит Марио. Может показаться, что коммуна народа эльфов — это счастливый островок земли. Конечно, это не так. И здесь есть несчастья. И здесь ссорятся, разводятся, и здесь страдают от этого дети. И здесь бывают несчастные случаи. И умирают дети. Несколько месяцев назад умер четырехлетний Тильо: не было врача.

Эти люди не знают ничего из того, что происходит в мире. У них нет ни газет, ни радио, ни тем более телевидения. Они узнают о событиях лишь по слухам. Единственный вопрос, который их интересует: «Правда, что в России приземлились марсиане?»

Перевел с итальянского Г. КУДИНОВ

Десмонд МОРРИС,
английский социолог

Одежда и СОЦИОЛОГИЯ

Социологи знают, что одежда человека — такой же социальный сигнал, как и его речь, поведение и т. д. Даже те, кто уверяет, что «наряды им совершенно не интересны», и одеваются настолько небрежно, насколько это возможно, по сути, таким образом сообщают о своей роли в обществе и о своем отношении к той культуре, в которой они живут.

Говорят, что современный человек одевается все более свободно и «неформально». Но такое утверждение обманчиво. В действительности прежние условности уступают дорогу новым. Джинсы на молодом человеке сегодня — такая же условность, как цилиндр на его сверстнике из предшествующей эпохи. Современному парню может казаться, что он носит то, что хочет, и что он наконец избавился от тесных правил костюмного этикета, которые когда-то определяли существование людей в обществе — да, старые правила отброшены, но их быстро заменили неписаные правила сегодняшнего дня.

Чтобы понять эти правила, необходимо оглянуться на происхождение одежды. У одежды три основных функции: обеспечение комфорта, соблюдение приличий и, так сказать, «демонстрационная» функция. Обеспечение комфорта — это, конечно же, внеобщественная и внеличностная функция одежды. Природа требовала от человека защищаться от жары, холода и т. д.

Однако благодаря современной технологии люди, получается, могли бы отказаться от этой функции одежды: квартиры снабжены центральным отоплением и мягкой мебелью, так что мы можем преспокойно существовать в пределах своих квартир и нагишом. Но то, что мы этого не делаем, подводит нас к следующей основной функции одежды — к соблюдению приличий.

В различные эпохи правила скромности были различными, но основной принцип оставался неизменным: чем более пуританским было общество, тем тщательнее полагалось скрывать свое тело. Пример крайности в этом отношении — одеяния женщин в некоторых арабских странах, где скрывается не только тело, но и его очертания. В этих странах женщина никогда не появлялась на людях без плотной вуали, и только ее муж знал, кто она на самом деле — красавица или уродина.

Сегодня трудно и представить, насколько далеко цивилизованное общество заходило в своих требованиях соблюдения приличий. Когда-то в Англии считалось непристойным даже произносить слово «нога», а ножки роялей во время публичных концертов закрывались чехлами. Ступеньки, ведущие из купальных кабин в море или реку, занавешивались, чтобы посторонние не могли видеть, как люди в купальных костюмах спускаются в воду,— и так было всего сто лет назад.

Перейдем к следующей функции одежды, а именно к демонстрационной. Запрет мужчинам появляться без галстука в дорогих ресторанах связан не с тем, что они обнажают адамово яблоко, а с тем, что галстук — это показатель определенного социального статуса. Как и многие другие элементы костюма, галстук выступает не как средство создания комфорта или в качестве детали, что-то скрывающей, а как знак, определяющий принадлежность его владельца к четкой социальной группе. И эта

древнейшая функция одежды сохраняет свою значимость и в наши дни. Именно поэтому бесцветные, сугубо практичные туники людей космической эры, знакомые нам по второразрядным научно-фантастическим книгам и фильмам, так же маловероятны, как и возвращение человека к полной наготе. Как только общество отказывается от одного набора декоративных деталей одежды, на смену ему приходит новый — и подобная эволюция будет продолжаться, вероятно, до тех пор, пока человек не перестанет быть «общественным животным»: одежда — слишком удобное средство для демонстрации статуса и взглядов ее обладателя, поэтому навряд ли человек откажется от этой ее функции и перейдет к нейтральной защитной оболочке.

В прошлом демонстрационная функция одежды регламентировалась крайне жестко. Например, в Англии XIV века костюм определялся не вкусом или стилем, а законом. Бо́льшую часть времени тогдашний парламент посвящал определению правил одежды для каждого социального класса. Если человек надевал костюм, который полагался людям, стоящим выше его на общественной лестнице, он подвергался штрафу, а «незаконная» одежда конфисковывалась. Однако закону этому люди сопротивлялись с упорством чрезвычайным: настолько велико было желание англичан демонстрировать — хотя бы посредством костюма — высокое положение в обществе. Правила ужесточались, штрафы росли — но тщеславие было непобедимо.

Англия не была одинока в строгости. В Германии времен Возрождения женщина, нарушившая подобные правила, была обязана носить на шее тяжелый деревянный воротник. А в американских колониях женщине возбранялось носить шелковый шарф, если ее муж «стоил» меньше тысячи долларов.

Все это — отдельные примеры, взятые из множества подобных предписаний, существовавших в ранние периоды истории человечества. И для нас важно обратить внимание на следующее: люди стремились «завысить» свое положение в обществе, надевая «не свой» костюм, а наказывали их, по сути, не за сам костюм, но за попытку с его помощью завысить свой статус. В нашей обыденной жизни ношение одежды уже не ограничено такими жесткими правилами, тем не менее майор, например, не имеет права носить форму полковника, да и другие виды официального костюма регулируются столь же жестко, как и в давние времена.

Может показаться, что современный «распад» системы «костюмных» законов и правил приведет к декоративному хаосу, но это отнюдь не так. Общество вместо того, чтобы прийти к полной свободе в выборе одежды, выработало свои собственные ограничения. Сначала юридические законы сменились законами этикета, сформулированными, пожалуй, не менее тщательно, чем уголовный кодекс. Затем, с уничтожением жесткой общественной структуры, пособия по этикету костюма исчезли. Но сами правила отнюдь не самоустранились — они просто «ушли в подполье», став неписаными и даже не произносимыми вслух. Когда британского лорда спросили, есть ли преимущества в его общественном положении, он ответил: «Есть только одно преимущество — я не должен одеваться так же чертовски тщательно, как мои слуги».

Впрочем, свято место пусто не бывает: демонстрация своего высокого положения в обществе нашла новые формы. Так, например, в XVIII веке такой формой стал... спорт. «Высокородные» мужчины занимались «высокородными» видами спорта. И при верховой езде английские сельские джентльмены надевали для удобства фраки и цилиндры — именно это одеяние стало ассоциироваться с досугом и возможностью не работать. «Благородный» спортивный костюм при помощи молодых модников превратился в повседневный костюм высшего света, а позже, к середине XIX века, стал обычным костюмом большой части общества.

Но повседневность данного костюма лишила его признаков «высокого статуса», и в поисках авангардных идей модники продолжали исследовать новую — спортивную — сферу. Наступила очередь ружейной охоты, рыбалки и гольфа — дорогостоящих развлечений, распространенных среди обеспеченных классов и потому являющихся прекрасным источником новых идей в области моды. Джентльмены надели клетчатые костюмы и котелки. Вначале подобная одежда считалась крайне неофициальной, но затем клетчатая ткань потеряла свою яркость и, став более приглушенной по цвету, вытеснила черный фрак, оставив ему скромное место одеяния для свадебных и других официальных торжеств, а также для некоторых вечерних «мероприятий». И по сути, все без исключения современные деловые люди носят варианты костюмов, ранее являвшихся спортивными.

В последние годы наметилась новая тенденция. Общество равных возможностей со все большей неприязнью относится к привилегиям, и это заставило тех, кто занимает высокое положение, еще более изощренно демонстрировать свой социальный статус. Стало немодным и даже опасным заявлять — при помощи одежды — о своей принадлежности к элите, которая может позволить себе «дорогие» виды спорта. На смену «клубному» пиджаку яхтсмена пришла одежда, заимствованная у представителей общественных «низов»,— она давала возможность продемонстрировать, что в груди у богатых и знаменитых людей билось сердце «простых парней».

Самым первым симптомом таких перемен стала мода, родившаяся в результате отдыха в средиземноморских странах. Богатые молодые люди нарядились в грубые рубашки и свитеры местных рыбаков, затем мода распространилась во всех странах. Но какую, если вдуматься, информацию сообщала нам эта «простая» одежда непростых людей? А вот какую: «Я одобряю бедных ребят, но сам к ним не отношусь». Как это им удается? Способов много. Первый — носить свитер и джинсы в тех общественных ситуациях, в которых бедняк оденется в свой лучший костюм. Второй — носить прекрасно сшитую, стилизованную «одежду бедняка». Есть еще с десяток способов, но суть их одна — контраст между одеждой и тем, кто ее носит. Любой богатый или известный человек, чье лицо регулярно появляется на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров и кинотеатров, может позволить себе надевать самую «бедняцкую» одежду на самые ответственные мероприятия. В этих случаях он или она, используя этот контраст, совершает молчаливую, но активную атаку на общество, превозносящее благосостояние в качестве высшей ценности.

В сложном мире сигналов, «излучаемых» человеческой одеждой, существует множество тенденций. Часто они пересекаются, одни из них быстротечны, другие живут десятилетиями. Кратковременные тенденции — это обычно не более чем поиск нового; в их основе лежит потребность носителей одежды демонстрировать свою «современность». Такие тенденции зачастую быстро облетают земной шар и затем уходят в небытие. Однако демонстрация последних тенденций моды свидетельствует не только о том, что индивидуум идет в ногу с обществом, но и о его способности через определенные интервалы времени платить за новую модную одежду, то есть о его социальном статусе. Следя за мельчайшими изменениями в деталях нашего костюма (например, за изменениями ширины брюк или пиджачных лацканов), можно составить графики изменений сигналов, подающихся человеческой одеждой. Бессознательно мы постоянно составляем такие графики, что помогает нам «считывать» множество сигналов, передаваемых нам другими людьми. Таким образом, одежда является такой же частью языка человеческого общения, как и жесты, выражения лица и позы.

Перевел с английского С. КАПТЕРЕВ

ТРЕТИЙ АД Вертера

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

Осенью 1774 года в Лейпциге вышла в свет тоненькая книжечка под названием «Страдания юного Вертера». Имя ее автора — Иоганн Вольфганг Гёте — тогда мало что говорило публике. Это был молодой двадцатипятилетний адвокат, среди друзей и знакомых имевший репутацию «необузданной гениальности». Он писал прозу, стихи, драмы, философские рассуждения на латыни и даже оперетты. Но часто бывало, что он не доводил дело до конца, бросал начатую драму, город, в котором жил, девушку, в которую был влюблен,— и пускался в странствия. Какой-то внутренний огонь жег его, какое-то беспокойное чувство заставляло его то и дело совершать шокирующие поступки и произносить резкие слова. Его книжечка в сто с лишним страниц тоже была таким резким и отчаянным поступком. Адвокат Гёте как будто размахнулся и швырнул в упорядоченный самодовольный мир свою литературную бомбу. Книга вызвала скандал.

Сегодня, через двести шестнадцать лет после выхода книги в свет, этот скандал кажется нам странным явлением. В Милане (книгу быстро перевели на другие языки) епископ велел священникам скупить весь тираж, чтобы он не дошел до публики. Читая книгу, мы удивляемся: господи, ну что же ужасного нашел в книге епископ, что же оскорбило и возмутило почтенных прихожанок, носивших шуршащие платья и красивших щеки брусничной краской? Нам это трудно понять. За последние полвека человечество прочло столько жестоких, циничных, суровых, яростных книг, что «Страдания юного Вертера», где герой то и дело восклицает «ах!» и «ох!» и обливается слезами над своей несчастной любовью, поначалу представляются нам книгой наивной и нестрашной. Как все-таки изменилось человечество (думаем мы), если его прежние волнения и страсти вызывают у нас недоумение. Несовременная книга: прочел — забыл... Но это ошибка. Эту книгу трудно забыть. Она будет упорно зудеть в памяти. И бледное, нервное лицо несчастного Вертера, со спутанной прядью, прилипшей к мокрому от пота лбу, ночь напролет пишущего последнее письмо Лотте,— еще не раз встанет у нас перед глазами посреди размеренных событий дня, напоминая, будоража, тревожа и заставляя в удивлении озирать горизонт жизни: «Что случилось? В чем дело? Отчего вдруг эта ноющая беспричинная тоска, отчего все происходящее предстает вдруг озаренным каким-то новым, грозным, мертвенным светом?»

Гёте, в студенческие годы шокировавший публику тем, что не носил парика и ходил в свободно расстегнутой на груди рубашке, начал писать «Страдания юного Вертера» в феврале, кончил к маю и тут же отослал рукопись в Лейпциг, издателю Вейгелю. Вейгель, в распоряжении которого не было ни компьютерного набора, ни скоростных печатных машин, выпустил книгу в свет через четыре месяца после того, как автор поставил точку. Тоненький томик расходился прекрасно, принося издателю прибыль и автору славу. Основными покупателями книги были молодые люди. Они держали книгу Гёте на своих письменных столах, брали ее с собой в путешествия, читали вслух своим возлюбленным. Они спорили с родителями и начальниками на службе, дословно цитируя аргументы Вертера, они объяснялись в любви его словами — и, подобно ему, любили забавляться с хорошими пистолетами и носили синие фраки и желтые панталоны.

Сюжет «Страданий юного Вертера» прост. Способный, честный, пылкий, умный молодой человек «вступает в жизнь» (выражаясь языком назидательных и патетических произведений «для молодежи»). Гёте ставит эксперимент, проводя своего героя через всевозможные испытания и обстоятельства и как будто задаваясь вопросом: «Как жить? Как найти общий язык миру, построенному на рутине,— и человеку, полному чувств и сил?» Подобно Дантову герою, Вертер тоже спускается в ад — только ад его находится не в каких-то таинственных подземных пределах, а здесь, в этой жизни, среди прекрасных лесов, просторных полей, в светских гостиных, в чиновничьих канцеляриях и в маленьком домике девушки Лотты, в которую Вертер влюблен. Лотта — так называется **первый ад** Вертера, его первое поражение.

Эта Лотта нарисована столь нежными мазками, что и не искушенному в истории немецкой литературы читателю ясно, что Гёте пишет о своей собственной любви и о своем собственном поражении. Он дал Лотте черные глаза Шарлотты Буфф, в которую был влюблен и которая вышла за другого. И он, как Вертер, носил на груди розовый бант своей возлюбленной и держал в своей комнате ее портрет. С пера, которым писал Гёте, стекали не чернила, а сама страсть: «Ах, какой трепет протекает у меня по жилам, когда пальцы наши соприкоснутся невзначай или нога моя под столом встретит ее ножку! Я отшатываюсь, как от огня, но тайная сила влечет меня обратно — и голова идет кругом!» Это любовь-лихорадка, любовь, захватывающая человека целиком, как тяжелая болезнь.

Лотта, нежная, прекрасная Лотта, не остается холодной, видя, каким огнем пылает Вертер. Если она и не отвечает ему взаимностью, то, по крайней мере, показывает, что могла бы ответить. Но возможность счастья ни разу на протяжении всех ста страниц книги не превращается в само счастье. Лотта для Вертера — это мираж, который удаляется тем быстрее, чем сильнее Вертер стремится к нему. Формальный предлог, «объективная причина»— Альберт, жених Лотты, с которым она помолвлена. Но на самом деле не Альберт мешает счастью Вертера и Лотты, а что-то другое, что не названо в книге, но что сквозит между строк и что подразумевает Гёте, который добился в своей жизни множества успехов в литературе — и потерпел множество поражений в любви. Это «что-то» — невозможность для мечты претвориться в жизнь, невозможность чувству найти свое идеальное воплощение.

Вертер бросается к Лотте, протягивает к ней руки — и, как в кошмарном сне, не может схватить.

Вертер обречен на поражение в любви именно потому, что в нем слишком много высоких чувств, слишком сильно стремление к идеалу. Лотта достается Альберту — уравновешенному, спокойному человеку, для которого речь всегда идет не об идеалах, а о делах, не о великой любви, а об обустройстве уютного семейного домика.

Второй ад Вертера — социальная жизнь, к которой он пытается приспособиться, поступив на службу. Он, способный, энергичный молодой человек, должен был, кажется, быстро добиться успеха. Но это только кажется. Он и тут попадает в мир-перевертыш, где талант наказывается, а бездарность и посредственность поднимаются на самый верх, чтобы диктовать законы миру. Он служит при посланнике, который поручает ему составлять бумаги. В отличие от других чиновников и от

самого посланника он не корпит над бумагами часами, не скрипит мозгами — а легко и быстро пишет сразу набело. Но не это нужно, чтобы понравиться сильным мира сего. Нужно другое — быть как все. Посланник, которого Вертер называет «педантичным дураком», преподает ему эту науку: «А он способен возвратить мне бумагу и сказать: «Недурно, но посмотрите-ка еще раз,— всегда можно найти более удачное выражение и более правильный оборот». Тут уж я прихожу в бешенство... Фразы ему надо строить на строго определенный лад, иначе он ничего не поймет. Горе иметь дело с таким человеком!» Но и посланник, подобно Альберту, есть только материальный символ каких-то могущественных и незримых сил, которые называются «социальными отношениями», «человеческими привычками», «раз и навсегда заведенным распорядком мира»,— сил, с которыми Вертер обречен враждовать самим своим устройством, как обречены враждовать пламень и лед. Посланник дает ему подзатыльники, заставляя пригибаться до общего уровня,— он в ответ выстреливает ехидными и гневными репликами: «А это блистательное убожество, а скука в обществе мелких людишек, кишащих вокруг! Какая борьба мелких честолюбий; все только и смотрят, только и следят, как бы обскакать друг друга хоть на шаг; дряннейшие и подлейшие страсти в самом неприкрытом виде».

Вертер страстно и пылко произносит эти и подобные этим слова. Но реплики его ничего не могут изменить. Они просто не доходят до тех, к кому обращены, как не дошли бы до неживой природы. В людях есть что-то, что неподвластно словам, что не откликается на самые убедительные и здравые рассуждения (написано между строк этой книги — для тех, кто умеет читать между строк). Но чтобы понять это, надо быть не только пылким обличителем Вертером, но и умудренным жизнью, спокойно-высокомерным Гёте, каким он стал через пятьдесят лет, после того как «Страдания юного Вертера» вышли в свет.

Мы начинаем читать эту книгу. Первые пятьдесят страниц ее убеждают нас в том, что это — любовный роман в письмах (Вертер пишет письма своему другу Вильгельму). Но это не так. На самом деле в этой маленькой книге, как в разбойничьем сундуке, есть потайное дно. Она не совсем о том, о чем кажется на первый взгляд. Любовный роман в письмах оборачивается письмами, исполненными яростной критики человеческих установлений и общественных порядков. Скандал, который вызвала книга Гёте, питался возмущением власть имущих, которые прекрасно разобрались во всех тайниках небольшого романа. Они почуяли в книге крамолу: слова, поступки героев и ситуации имели двойной смысл, так же как двойной смысл имел выстрел, гремевший в эпилоге. Вертер стрелял себе в лоб... а Гёте стрелял в существующий порядок вещей. Сам он не очень-то скрывал это. Лорд Бристоль, епископ Дерби, обвинил его в том, что он подталкивает людей к самоубийству. «Вертер»,— сказал он,— книга совершенно безнравственная, заслуживающая проклятья».— «Постойте,— воскликнул я (вспоминал потом Гёте),— если вы так говорите о моем бедном Вертере, то каким тоном должны были бы вы говорить о наших земных владыках, отправляющих на поле брани сто тысяч людей, из коих восемьдесят тысяч гибнут и побуждают друг друга ко взаимным убийствам, поджогам и грабежам?»

Но и социальная критика — не последнее дно книги. Вертер — не революционер, для которого последняя истина заключена в расстановке классов. Он, философ, идет глубже, желая найти тот камень, на котором мог бы удержаться человек. Результат, который он получит, начинает брезжить ему и нам задолго до конца. Путь к этому результату столь мучителен для читателя, что на какой-нибудь шестьдесят шестой или семьдесят девятой странице нас неизбежно одолевает желание отложить книгу и сберечь собственный покой: «А ну его к черту, этого Гёте, с его неврастеничным Вертером, с его болью и тоской... Чего ради должен я за ним лезть в ад?» Но эта книга затягивает в себя, как омут. Интересно: каких еще надежд и иллюзий лишит нас автор? Мы тихонько, аккуратненько приподнимаем очередное потайное дно в этом сундуке и, волнуясь, заглядываем в темноту: «Что там? Что в итоге, в результате, в конце-то концов? Чем кончается человеческая жизнь?» Смотрим — а там, оказывается, пустота. Отсутствие чего бы то ни было. Кукиш.

Скандал, который вызвала эта книга два века назад, и тоска, которую она вызывает у сегодняшнего читателя, набравшегося терпения продраться через длинные периоды и архаику, имеют в своей основе одно чувство. Это чувство человека, не желающего лишаться иллюзий и надежд на счастье. Эта книга безжалостно доказывает, что счастья нет в любви, что общественная жизнь — жалкие крысиные бега. Отчаявшийся, измученный Вертер пытается обрести смысл жизни в ней самой, заглядывает в собственную душу, мечется между верой и безверием. Трудно жить без иллюзий! Невозможно жить без иллюзий! Но и с иллюзиями жить — недостойно честной натуры Вертера, невозможно для Гёте, с его резким и независимым умом. Как быть?

Опасность этой книги — именно в ее безжалостности. Сам Гёте прекрасно знал о том, что именно он создал. Кто-кто, а он-то уж не обманывался в своем творении. Со своей книгой он вел себя так, как положено вести себя с сильным лекарством или оружием — осторожно. За всю свою долгую жизнь он только один раз перечитал «Вертера» — и несколько раз (в дневнике, в письмах и беседах) обмолвился о нем. «Прочел «Вертера» целиком впервые с тех пор, как он опубликован, и испытал большое удивление». «После такого нельзя остаться целым и невредимым». «Сплошные вспышки пламени. Мне страшно это читать». И наконец, он сформулировал самую суть, холодный смысл этой книги: «В конечном итоге трудно понять, как может человек еще сорок лет существовать в этом мире, который явился ему как абсурд уже в ранней юности».

Это — **третий ад Вертера.**

Гёте, так блистательно показавший в «Вертере» бессмысленность и безнадежность человеческой жизни, прожил после выхода книги в свет еще пятьдесят восемь лет. Написав «Вертера», он как бы изгнал из себя те разрушительные инстинкты и ту страсть к саморазрушению, которые часто владеют человеком в его молодые годы. Он, говоривший о себе, что «я, как пеликан, вскормил Вертера кровью своего сердца»; он, который показал в своей книге невеселый выбор, лежащий перед молодым человеком, вступающим в жизнь,— решительным шагом перешагнул этот выбор и на все нерешимые вопросы дал свой ответ. Любимым словом Гёте в его зрелые годы было слово «продуктивность». Суть его жизненной философии была в том, что человек не должен сдаваться под натиском мирового абсурда и должен сам производить **свой смысл**. Гёте был неутомим и чудовищно работоспособен в производстве смысла. Этот человек, которого еще при жизни называли «Олимпийцем», был писателем, поэтом, философом, минералогом, зоологом, коллекционером, министром, драматургом, физиком, путешественником, историком. Во всех своих бесчисленных начинаниях он неизменно достигал успеха, неизменно поднимался до высокого профессионализма. Он ничего не делал спустя рукава, как бы как, потому что очень хорошо усвоил библейскую истину о том, что «всякая работа делается для Бога». При этом он не был аскетом, которому нет дела ни до чего, кроме его подвига. Он любил жизнь во всем богатстве ее приятных проявлений. Он создал себе богатый, комфортабельный быт, достойный аристократа. Женщины прельщали его как в ранние, так и в поздние годы. Последнее свое чувство он пережил, когда ему было семьдесят четыре — он влюбился в восемнадцатилетнюю голубоглазую Ульрику. Из любви ничего не вышло. Это был для Гёте страшный удар. Но он осилил и его. За два года до смерти, в 1830-м, на восемьдесят первом году жизни, этот старец, когда-то столь пылко писавший о самоубийстве, сказал в беседе со своим секретарем Эккерманом несколько простых слов, нравоучительных и мудрых одновременно.

«Покуда день не угас,— отвечал Гёте,— будем высоко держать голову, и покуда мы еще в состоянии творить, не будем падать духом».

Mahavishnu John McLaughlin
Sri Chinmoy
Carlos Santana

К

РЭР

«KOOGA», группа «Куга» (это название детской настольной игры) образовалась в 1980 г. в Великобритании.

Исходный состав: Невилл Макдонапд, гит., вок.; Дэвид Хоуэллс, бас; Мартин Уильямс, уд.

Свои истоки эта группа берет в хард-роковом трио «Preacher» (состав которого и приводится выше). Трио создали бывшие одноклассники, они много выступали в клубах и студенческих лагерях Уэльса.

Со временем в состав вошел клавишник и гитарист Мейл Гарлэнд. «Preacher» начала обработку накопившегося материала, записала демо-тейп (демонстрационная запись) и в процессе работы сменила название на «К».

Группе из Уэльса, да еще исполняющей смесь арт- и хард-рока, довольно сложно получить контракт на запись альбома. Не стала исключением и «К.». В результате долгих поисков она «прибилась» к небольшой французской фирме «Хай дрэгон» и летом 1986 г. записала альбом, который, несмотря на ограниченный тираж, понравился как слушателям, так и критикам. Группа провела серию гастрольных выступлений, и в составе появился еще один гитарист, Гервин Хаули.

Триумфальным оказалось выступление «К.» на рок-фестивале в Рединге летом 1987 г. Однако после этого группу покинули Гарлэнд и Уильямс, вместо которых пришли Стив Коули, ударные, и Тони Ламбер, клавишные.

В начале 1988 г. «К.» записала сингл «Don't Break My Heart Again», а в мае провела совместные гастроли с группой «Saxon». В настоящее время группа пытается добиться контракта с одной из крупных фирм, правда, процесс этот несколько затянулся.

Пл.: Across The Water, 1986.

Изменения состава: 1984 + Нейл Гарлэнд, гит., клав.; 1986 + + Гервин Хаули, гит.; 1987 — Гарлэнд,— Уильямс, + Тони Ламбер, клав., + Стив Коули, уд.; 1988 — Ламбер, + Ли Даллон, клав.

«KOOL AND THE GANG» («Кул энд зе гэнг»), группа «Стиляга и его ансамбль» образовалась в 1964 г. в США.

Исходный состав: Роберт «Кул» Белл, вок., бас; Роналд Белл, тенор-сакс.; Деннис «Ди Ти» Томас, сакс., флейта; Клейдис Смит, гит.; Роберт «Спайк» Микенс, труба; Рики Уэст, клав.; Джордж «Фанки» Браун, уд.

Известные сегодня как одни из ведущих исполнителей так называемого коммерческого фанк-рока, «К. э. з. г.» начинали с чистого джаза. Группа собралась еще в школе им. Линкольна, где учились все музыканты, под названием «Jazziacs». Так как отец лидера группы Р. Белла был на короткой ноге с такими выдающимися музыкантами, как Майлз Дэвис, Джон Колтрейн, Леон Томас и Фароа Сандерс, неудивительно, что их влияние нашло свое отражение в музыке новой группы.

После многочисленных изменений названия (в том числе и на «Soul Town Review» и «New Dimensions») в 1968 г. наконец появилось «К. э. з. г.». К тому времени группа уже ушла от джаза и работала в традиционном фанке. А поскольку музыканты в первую очередь уделяли внимание концертам, их пластиночный дебют состоялся лишь в 1969 г.— сингл «Kool And The Gang» занял в США 19-е место по категории ритм-энд-блюза.

Характерной особенностью стиля «К. э. з. г.» было резкое звучание духовых, виртуозные гитарные соло и мощная ритм-секция. Первый «золотой» диск «Wild And Peaceful» вышел в 1973 г.— сам альбом и три хит-сингла («Funky Stuff» — 5-е место, «Hollywood Swinging» — 6-е место и «Jungle Boogie» — 2-е место) способствовали выходу группы на международную аудиторию. В какой-то мере танцевальный характер музыки «К. э. з. г.» стал предвестником стиля диско, однако именно диско отодвинуло во второй половине 70-х эту группу в тень.

В 1977 г. композиция «Open Sesame» вошла в фонограмму нашумевшего фильма «Saturday Night Fever» («Лихорадка субботнего вечера»). Отдельные композиции группы отражают религиозные воззрения части музыкантов группы, перешедших в магометанство.

В 1978 г. группа взяла в состав чистого вокалиста, и в репертуаре «К. э. з. г.» стали появляться нехарактерные до того баллады. Песня «Ladies Night» (1979, 1-е место) ознаменовала поворот к еще более коммерческому саунду, что не замедлило сказаться на цифрах реализации альб.: подавляющее большинство работ 80-х гг. были «платиновыми».

Сейчас «К. э. з. г.» с полным основанием считается одной из наиболее популярных черных групп — музыканты умело балансируют между ритмическим примитивом, пользующимся повышенным спросом у части слушателей, и подлинными музыкальными находками. Судя по неизменному интересу к альб. «К. э. з. г.», это сочетание — своего рода формула успеха.

Пл.: Kool And The Gang, 1969; Music Is The Message, 1970; Live At The Sex Machine, 1970 (Live LP); The Best Of The Kool And The Gang, 1971 (сборник); Live At PJs, 1972 (Live LP); Good Times, 1972; Wild And Peaceful, 1973; Light Of Worlds, 1974; Kool And The Gang Greatest Hits, 1975 (сборник); Spirit Of The Boogie, 1975; Love And Understanding, 1976; Behind The Eyes, 1976; Open Sesame, 1976; The Force, 1977; Kool And The Gang Spin Their Top Hits, 1978 (сборник); Ladies Night, 1979; Everybody's Dancing, 1979; Celebrate, 1980; Something Special, 1981; As One, 1982; Kool Kuts, 1982 (сборник); Twice As Kool — The Hits Of Kool And The Gang, 1983 (2 LP — сборник); In The Heart, 1983; Emergency, 1984; Forever, 1986; Everything's Kool And The Gang, 1988 (сборник); The Singles Collection, 1988 (сборник); Sweat, 1989.

Изменения состава: 1977 — Уэст; 1978 + Джеймс «Джи Ти» Тейлор, вок.; 1980 + Куртис Уильямс, клав., + Клифф Адамс, тромбон, + Майкл Рэй, труба; 1988 — Тейлор; 1989 + + Гэри Браун, вок., + Скип Мартин, вок., + Один Мэйз, вок.

KORNER, ALEXIS. Алексис Корнер (настоящее имя Алексис Кёрнер), 19 апреля 1928 г., Париж — 6 января 1984 г., Лондон. Англ. гитарист, певец, композитор, продюсер, менеджер.

Выдающийся англ. музыкант А. К. фактически является родоначальником рока, достаточно взглянуть на список музыкантов, прошедших его школу: Мик Джеггер и Чарли Уоттс (позже «Rolling Stones»), Джинджер Бейкер и Джек Брюс («Cream»), Грэхем Бонд и «Верзила» Джон Болдри, Роберт Плант, Стив Маррнотт, Энди Фрейзер, Хью Флинт, Дэнни Томпсон и многие-многие другие. К сожалению, А. К. больше известен как главный «кузнец в кузнице кадров» англ. рока, а собственное творчество этого музыканта сравнительно мало изучено.

Он учился в Сорбонне, Франция, играл в различных джаз-ансамблях и скиффл-группах и лишь в возрасте 34 лет собрал свою собственную группу «Blues Incorporated» (сокращенно «Blues Inc.»), в которой в разное время играли все вышеперечисленные звезды дня сегодняшнего. В 1961 г. в первый состав

РЭР вне очереди

STRYPER

Американский квартет «Stryper» (что можно перевести, как «нечто с нашивками», а учитывая черно-желтую «зебристость» костюмов музыкантов — «нечто полосатое») — явление довольно необычное даже для американской рок-сцены, которая за долгие годы успела привыкнуть ко всему. Элис Купер, подобно дрессировщику, «работал» на ней с живыми удавами, «W. A. S. P.» запускает в публику дефицитными продуктами. «Kiss» изрыгают пламя и занимаются шпагоглотательством, но вот Библиями народ на рок-концертах пока еще никто не одаривал. «Stryper» решили восполнить этот пробел.

Будучи людьми чрезвычайно набожными, музыканты группы исполняют песни только религиозного содержания, всячески проповедуют библейское добро и клеймят библейское же зло. Поначалу над ними просто смеялись, а потом тоже привыкли: обычный хард-рок (правда, слушателям первых рядов во время песнопений всегда перепадают Библии).

Такая демонстративная религиозность привела к тому, что критики присвоили музыке группы титул «библейский металл» — хорошо быть единственным представителем целого направления!

«Б. и.» входили: А. К., гит., вок.; Чарли Уоттс, уд.; Сирил Дэвис, гармоника, вок.; Дик Хекстолл-Смит, бас, сакс. Через «Б. и.» прошли лучшие музыканты Англии, в том числе Эрик Клэптон, Мэл Коллинз, Крис Фарлоу, Боз Баррелл, Терри Кокс и др.

До 1967 г. «Б. и.» была фактически творческой лабораторией, из которой впоследствии вышли самые популярные группы 60-х и 70-х гг. (в тот период шло своего рода соревнование двух школ и двух концепций блюз-рока — школы А. К. и Джона Майалла).

В 1967 г. «Б. и.» распалась, и А. К. вместе с датским вокалистом Петером Торупом создал группу «New Church», которая имела большой успех в Европе. Однако в 1970 г. А. К. (также с Торупом) собрал настоящий рок-оркестр, в который входили 25 музыкантов — эта группа называлась «CCS» («Collective Consciousness Society», то есть «Общество коллективного сознания»). Группу продюсировал известный англ. антрепренер Мики Мост. В возрасте 42 лет А. К. написал свой первый хит-сингл «Whole Lotta Love». В 1971 г. он принимал участие в лондонских гастролях Би Би Кинга, а в 1973 г. впервые отправился в США, где открывал концерты «King Crimson». По окончании этих гастролей практически весь состав «Кинг Кримзон» перешел к А. К., и новая группа получила название «Snape».

Во второй половине 70-х А. К. работал не столь активно, хотя регулярно в качестве сейшнмена участвовал в записях самых разных групп и исполнителей, в том числе «The Who», записывал альб. с реформированными «Free» и «Atomic Rooster», с музыкантами группы «Steeleye Span».

В 80-е гг. музыкант практически не работал, сказывались возраст и пошатнувшееся здоровье.

6 января 1984 г. А. К. скончался в результате сердечного приступа. Ему было 56 лет.

Пл.: Rf B At Marguee, **1962** (Live LP); At The Cavern, **1964** (Live LP); Red Hot With Alex, **1964**; Blues Inc., **1965**; I Wonder Who, **1967**; New Generation Of Blues, **1968**; Alexis Korner's All Stars Blues Incorporated, **1969**; Both Sides, **1969 (сборник)**; The New Church, **1970**; Alexis, **1971**; What's That Sound I Hear, **1971**; Bootleg Him, **1972 (сборник)**; Accidentally Born In New Orleans, **1973**; Snape Live On Tour, **1974** (Live LP); Get Off My Cloud, **1975**; Just Easy, **1978**; Me, **1979**.

«KRAFTWERK» («Крафтверк»), группа «Электростанция» образовалась в 1970 г. в ФРГ.

Исходный состав: Ральф Хуттер, вок., электронные инструменты; Флориан Шнайдер, вок., электронные инструменты.

В 1970 г. выпускники Дюссельдорфской консерватории Р. Хуттер и Ф. Шнайдер организовали квинтет «Organisation», который работал в манере «Pink Floyd» и ранних «Tangerine Dream». Группа записала два альб., которые были выпущены только в ФРГ. Затем они вышли из состава «О.» и начали работать как дуэт.

Пара много экспериментировала с наложением звука, в их первых пл. прослеживается влияние не только рокового авангарда, но и таких композиторов-минималистов, как Карл Хайнц Штокхаузен. «К.» пытались музыкально-механическими средствами привлечь внимание слушателя к процессу ускоряющейся урбанизации общества, создали что-то вроде синтезированной модели общества будущего.

Первый большой успех пришел в 1974 г., когда «К.», превратившиеся к тому времени в квартет, выпустили очень сильный альб. «Автобан» (одноименная композиция заняла 11-е место в хит-парадах США и 25-е — в Англии). Вслед за этой работой появился концептуальный диск «Радиоактивность», в котором была сделана попытка соединить развлекательную и экспериментальную музыку; позже стремление к такого рода синтезу превратилось в навязчивую идею и отрицательно сказалось на творчестве группы.

Вскоре «К.» подписали контракт с крупной фирмой «Кэпитол» и, видимо, под влиянием требований руководства несколько ушли от экспериментов, хотя шоу группы неизменно несли в себе элементы смелого новаторства. В конце 70-х гг. концепция творчества «К.» несколько изменилась: у музыкантов появилось опасение, что человечеству грозит своего рода «роботизация» сознания и как следствие — духовная катастрофа. Квинтэссенцией поисков в этом направлении стал альб. 1981 г. «Компьютерный мир»; в это время музыканты применяют всевозможную компьютерную технику, ищут способы превращения композиций в «законченные шедевры машинной логики».

В настоящее время группа объявила о «продолжительном эксперименте по введению в ткань композиций субстанций жизни и смерти». Что это такое — покажут новые альб. «К.».

Пл. (под названием «Organisation»): Tone Float, **1970**; Var, **1971**.

(под названием «Kraftwerk»): Kraftwerk, **1971** (2 LP — издание первых двух альб., записанных под названием «О.»; только в Англии); Kraftwerk 1, **1971**; Kraftwerk 2, **1972**; Kraftwerk, **1973** (не путать с двойным альб. 1971 г.); Ralf And Florian, **1973**; Autobahn, **1974**; Radio-Activity, **1975**; Exceller 8, **1975 (сборник)**; Trans-Europe Express, **1977**; The Man-Machine, **1978**; Electro Kinetic, **1979 (сборник)**; Computer World, **1981**; Techno Pop, **1983**; Electric Cafe, **1986**.

Изменения состава: 1974 + Вольфганг Флур, электронные уд., + Клаус Рёдер, скрипка, гит.; 1975 — Рёдер, + Карл Бартос, электронные уд.; 1977 + Рёдер,— Бартос.

«KREATOR» («Криэйтор»), группа «Созидатель» образовалась в 1983 г. в ФРГ.

Исходный состав: Вентор, уд., вок.; Милле Петроцца, вок., гит.; Роб, бас.

История «К.» начиналась с малоизвестной западногерманской группы «Tormentor», которая в 1985 г. записала две неплохие демо-тейп и получила контракт с фирмой «Нойз». Но в «металлических» кругах уже существовала группа с таким названием, и во избежание неприятностей трио переименовалось в «К.».

Дебютный альб. «К.» «Бесконечная боль» мгновенно вывел группу в высшую лигу западногерманского трэш-метал, стиля, отличающегося атакующим саундом, хотя по современным стандартам музыка «К.» того периода может показаться несколько наивной. После выхода второй пл. «К.» заметили и за пределами ФРГ, группа провела большое турне с «Destruction» и «Rage».

Вскоре в составе «К.» появился еще один гитарист, Йорг Тритце, школьный друг всех троих «Созидателей». Он дебютировал в третьем альбоме; к этому моменту исполнительский уровень группы заметно вырос. Это позволило «К.» отправиться с гастролями в США, где они дали 35 концертов, выступали также в Канаде с группой «VoiVod».

Появление второго гитариста усилило концертное звучание группы, приблизив его по степени насыщенности к студийному. После второго турне по ФРГ «К.» стали пользоваться популярностью и в Англии, куда вскоре отправились с гастролями. «К.» выступали в клубах и получили отличные рецензии в муз. прессе, хотя английский слушатель традиционно считается самым консервативным.

В 1989 г. группа стабилизировала свое положение на европ. рынке. Однако последний альб. «К.» некоторые критики обвинили в излишней «чистоте» саунда, но подобное замечание уже не могло поколебать репутацию. В том же 1989 г. группу покинул Тритце, и его место занял Франк Блэкфайер, ранее работавший в составе «Sodom».

Пл.: Endless Pain, **1985**; Pleasure To Kill, **1986**; Terrible Certainty, **1987**; Out Of The Dark Into The Light, **1988** (mini-LP); Extreme Agression, **1989**.

Изменения состава: 1986 + Йорг Тритце, гит.; 1989 — Тритце, + Франк Блэкфайер, гит.

STRYPER

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ПЕСНЮ, НУЖНЫ ДВОЕ

(ИНТЕРВЬЮ С КЕЙТОМ РИЧАРДСОМ)

Стэнли БУТ,
американский журналист

— История «Роллинг стоунз» полна всевозможных сюрпризов: «Роллинг стоунз» распались, «Роллинг стоунз» собрались вновь, Мик поссорился с Кейтом, Кейт поссорился с Миком и т. п. Вам почти 50 лет, вся жизнь ваша связана с группой, так есть ли место для «Роллинг стоунз» в вашем будущем?

— Похоже, «Роллинг стоунз» неотвратимы, как бич Господен. И, например, прошлый год явно был нашим годом, нравится мне это или нет [1]. Что я могу сказать Мику? Только следующее: «Эта штука поважнее нас обоих».

Почему мы опять собрались? Думаете, ради куска хлеба? Правильно думаете, это одна из причин, но «Роллинг стоунз» не выступали уже семь лет. Назовите мне хоть одну группу, которую кто-то вспомнит спустя столько времени! Я выхожу на улицу, и не было случая, чтобы кто-нибудь — начиная от местной шпаны и кончая водителями мусоросборочных машин — не задал бы вопрос: «Когда же вы, черт возьми, соберетесь снова?!»

Скольким людям нужны «Роллинг стоунз» — это какое-то чудо! Но, думаете, наши отдают себе в этом отчет?! Как бы не так. «Роллинги» — разновидность самых закоренелых эгоистов, никто из группы — за исключением Билла Уаймана — не отвечает на письма поклонников, интересы публики в расчет не берутся. То есть: мы вам нравимся — прекрасно, нет — идите куда подальше! Это философия «Роллинг стоунз».

— *А что вы можете сказать о ваших взаимоотношениях с Миком Джеггером?*

— Наши взаимоотношения — это и есть самая большая проблема. Мик единственный, кому дозволено повышать голос, давать волю эмоциям, но потому он и отталкивает от себя, нет никакого желания с ним связываться.

В семидесятые годы — в период моего «увлечения» стимуляторами — я хоть и участвовал в выступлениях, писал песни, но фактически отдалился от настоящей работы, и Мик был вынужден в одиночку править группой, заботиться обо всем — и он выжал себя до предела. Меня угнетал комплекс вины перед ним, я стал психовать. В 1977 году я пришел в себя и сказал: «Отлично, я снова в форме, готов избавить тебя от части забот. Огромное спасибо за все, что ты делал, пока я изображал из себя непонятого гения и занимался черт знает чем!» Мик тогда поддержал меня. Но когда я вернулся к нормальной работе, я был поражен: выяснилось, что ему даже нравится тащить этот воз. Он влезал в каждую мелочь, и «Роллинг стоунз» все больше напоминали продукт больного воображения.

— *У вас состоялся весьма откровенный разговор, и некоторые ваши друзья говорят, что ваш тон был просто оскорбительным.*

— Я знаю. Иногда я бываю невоздержанным на язык. Но я считаю, что человек, с которым мы всю жизнь работаем вместе, должен меня понимать.

Мик — это странное смешение нескольких характеров. И он пытается ужиться с каждым из них. Он по-настоящему одержим работой — и он очень ревнив. Мик действует по формуле: «Не приближайся к моим!»... Но все это — от невероятной ранимости, незащищенности. С таким характером очень трудно выступать с сольными концертами. С таким характером вообще трудно быть во главе дела. Ты должен заставить ситуацию работать на себя, а для этого надо поверить в то, что ты — полубог, причем поверить по-настоящему. Но это годится только для сцены:

[1] *Американские музыкальные критики и читатели журнала «Роллинг стоун» были единодушны: альбом «Steel Wheels» признан лучшим альбомом 1989 года, а группа «Роллинг стоунз» — лучшими музыкантами года.— Прим. ред.*

сходя с нее, ты обязан отдавать себе отчет, что на самом деле ты такой, как все.

В этом и заключается главная проблема: постепенно время «отхода» удлиняется. Ты едешь в машине и продолжаешь думать о себе как о божестве, ты предаешься этим мыслям в отеле — в конце концов ты превращаешься в Господа Бога на все время чертового турне. Но без Мика «Роллинг стоунз» были бы ничто. Он — великолепный шоумен.

— Мик автор многих текстов классических вещей группы. Говорят, когда он переписал слова вашей песни «Wild Horses», вы воскликнули: «Он переделал все, но это чертовски здорово!»

— В нем живет маленький Шекспир, я в этом абсолютно уверен. Например, мне кажется, что композиция должна быть инструментальной, он же мановением руки превращает ее в оперу. И это потрясающе. Но даже когда я уверен, что в каком-то конкретном случае прав я, спорить с ним невозможно: спор неизбежно переходит на личности. Временами Мик находит блестящие аргументы, но споры обязательно выходят на такой уровень, когда каждый его аргумент — по крайней мере, с моей точки зрения,— превращается в персональную атаку. После этого очень трудно вообще о чем-то говорить. Особенно если приходится писать песни. Для меня этот процесс ничем не отличается от физиологической любви: чтобы написать песню, нужны два человека. А этого человека, Мика, я знаю сорок лет.

— Давайте поговорим немного о самом начале. Мик как-то сказал, что его самые ранние воспоминания — грохот орудий противовоздушной обороны. Должно быть, вы слушали ту же «музыку»?

— О да! Даже сегодня, когда я иду по коридору отеля и кто-то на полной громкости смотрит один из фильмов «про войну», то при звуке сирен у меня волосы становятся дыбом.

— Вы жили в муниципальном доме?

— Нет, но только в 1953 или 1954 году сумели перебраться в новый дом, старый накрыло в бомбежку. А до того жили у тетки. Дартфорд — это всего в нескольких милях от Темзы. Мы с приятелями шли на реку и играли в старых пулеметных гнездах. В дотах и бункерах жили всякие бродяги — такая у нас была детская площадка.

— И там, в Дартфорде, в начальной школе вы и познакомились с Майклом Филлипом Джеггером?

— Да, вот как давно мы знаем друг друга! Он жил через дорогу, и мы постоянно встречались во время поездок на велосипедах, просто когда гуляли. Потом мы учились в разных школах, но время от времени сталкивались на улице. Как-то летом я увидел Мика у Дартфордской библиотеки, он продавал мороженое с лотка.

— А вы чем подрабатывали?

— Я по выходным подавал игрокам мячи на теннисном корте. А в тринадцать начал петь в церковном хоре. Я носил рясу и все, что положено мальчику-певчему. Руководителя хора звали Джейк Клэар. Когда тебе тринадцать, церковный хор — отличный способ увильнуть от школы. А ведь мы пели в Королевском фестивальном зале и в Вестминстерском аббатстве! С тех пор у меня нет проблем с выступлениями на сцене. Я входил в состав сопранового трио, в школе наша троица считалась самыми плохими учениками, но зато с ангельскими голосами! Джейк Клэар работал с нами года два, и только теперь я понял, каким он был хорошим педагогом. Но он был и строг, очень строг. А потом ломка голоса — и все... После того как меня выкинули из хора, выплыли мои школьные грехи. Я остался на второй год. А потом меня просто выперли, но, чтобы подсластить пилюлю, определили в художественную школу: «Это твой последний шанс!»

К тому времени я уже отдалился от музыки и вспоминал о ней лишь благодаря моему деду, Аугустусу Теодору Дюпри. Он был саксофонистом и одновременно пекарем, но в первую мировую войну попал под газовую атаку и с тех пор уже не мог играть на саксофоне — он фактически лишился легких, поэтому перешел к скрипочке, гитаре и пианино. Он всегда держал гитару на пианино. Когда дед знал, что я дома, он вынимал гитару из чехла и принимался надраивать ее, короче — делал все, чтобы продемонстрировать ее мне. Но никогда не пытался ее мне всучить. У деда было семь дочерей, так что вместе с бабушкой по дому бродили восемь женщин. Вполне достаточно, чтобы свести с ума любого! Спасало только чувство юмора, которого у деда было хоть отбавляй. Он уже давно умер, почти двадцать лет назад, но я до сих пор помню все, что он для меня сделал.

Для начала я просто глазел на его гитару. Ему пришлось ждать несколько лет, прежде чем я задал вопрос: «Можно я попробую?» Он, бывало, просил: «Сыграй для меня вот это», словно я оказывал ему услугу. Когда я начал перебирать струны, он сказал: «Играй «Малагенью» — если ты научишься играть эту пьесу, ты сможешь играть все». И неважно, как плохо я играл, он сидел в своем кресле с закрытыми глазами и кивал головой. Наверное, это было ужасно. Но всякий раз он приговаривал: «Отлично! Отлично!» и делал вид, что ему безумно нравится. Потрясающий метод обучения!

Он брал меня с собой в город, показывал Лондон; я помню, как он приводил меня на Чаринг-кросс роуд, и мы с черного хода попадали в гитарную лавочку Айвора Марантца. Я часами сидел там и смотрел, как пузырится кипящий клей, как мастера промазывают корпуса гитар, чинят скрипки. Я вдыхал запах лака и чувствовал себя в закромах Санта-Клауса.

Я начал учиться играть на гитаре как раз тогда, когда меня перекинули в художественную школу. Атмосфера была очень непринужденной. Ты заходишь в школьный туалет, а там сидят три парня и разучивают вещи Вуди Гатри и Джека Эллиота. Слушая, как играют эти ребята, я полюбил блюз.

— И тут вы снова встретились с Миком...

— Да. В таком районе, как Дартфорд, люди встречаются на вокзале — каждый день кто-то собирается в центр Лондона. Но наша встреча с Миком была особенной: у него были с собой два альбома — «Rockin' At The Hops» Чака Берри и сборник лучших вещей Мадди Уотерса. В то время в Англии блюзовые пластинки достать было невозможно. Ему присылал диски один парень из Чикаго.

А вскоре после нашей встречи в музыкальных газетах появилось объявление об открытии первого в Англии клуба ритм-энд-блюза. Но клуб был в Западном Лондоне, а если куда и выезжал из своего района, так на велосипеде и не дальше Сидкапа или с дедом в ту мастерскую. Родители Мика жили уже в более престижном квартале, в большом особняке с гаражом. Отец Мика, Джо, был весьма преуспевающим джентльменом, он ездил в Штаты на судейство баскетбольных матчей, да и вообще был крупной фигурой в спортивном мире. Соответственно и Мик получил неплохое образование. Я же был выходцем из рабочей среды, и встреча с Миком, его друзьями и подружками стала для меня чем-то вроде прелюдии к вступлению в «светское общество».

Когда открылся тот клуб, Мик ради такого случая одолжил у отца машину. Это была моя первая «взрослая» поездка в Лондон. Клуб оказался очень уютным, а что за группа играла там! «Блюз инкорпорейтед» самого Алексиса Корнера! На бас-гитаре играл Джек Брюс, за ударными — Чарли Уоттс, на гитаре — Алексис, Сирил Дэвис — на губной гармошке. Там был Джон Болдри по прозвищу «Длинный», а Иэн Стюарт и Брайан Джонс исполняли совершенно поразительные вещи! Я с первой же минуты почувствовал себя как дома. Я разговорился с Алексисом, и на следующей неделе он пригласил нас с Миком прийти и поиграть. В действительности-то клуб был очень ободранным, он расположился под станцией подземки, и очень часто пол заливало водой, но место это быстро стало знаменитым — мечта любого дебютанта. К тому же там вечно толклись девочки...

— И вскоре вы ушли из художественной школы?

— Да. Представляю, как я разочаровал отца. А потом мне пришлось уйти и из дома... Я знал, что хочу делать: собрать группу. Я также знал, что если пойду по накатанной дорожке, мне не удастся убедить родителей, да и

вообще ничего из меня не получится. Поэтому я стал чем-то вроде миссионера-проповедника новой музыки, музыки Джимми Рида, Чака Берри, Мадди Уотерса и Хаулина Вулфа, музыки Элвиса Пресли, Бадди Холли, Эдди Кокрэна, Джерри Ли Льюиса, Литтл Ричарда, Бо Диддли...

Я поселился вместе с Брайаном Джонсом, другом Мика. Это был период интенсивного обучения рок-н-роллу. Надо иметь в виду, что в то время — 1961—1962 годы — Элвис оказался в армии, Бадди и Эдди уже умерли, Чак «отдыхал» в тюряге, Джерри Ли привыкал к опале, а Литтл Ричард просто «ушел под корягу». Так было в Штатах. Но для нас, в Англии, рок-н-ролл превратил прежде унылый, ободранный мир в захватывающий цветной фильм, и мы упивались им, словно первые посетители кинематографа. И хотя с него уже начала слетать позолота, мы не могли допустить, чтобы рок-н-ролл ускользнул от нас.

Тогда рок-н-ролльные группы в Англии играли на танцплощадках, это значило, что ты попадаешь в руки организаторов танцулек, а это парни с очень крепкими руками. Группы играли на трех или четырех площадках за вечер: сорок пять минут на сцене, потом на машине на другую площадку, потом надо возвращаться на предыдущую, чтобы «откатать» вторую часть, и так далее — при этом музыканты одеты в дурацкие «мальчуковые» костюмчики, на которые организаторы ссудили деньги и за амортизацию которых вычтут, а если вы не играете, они вас просто раздавят.

Лучшим способом выбраться из этого было переключиться на другую аудиторию, в Англии это студенты, они не таскаются на танцульки. Это было классовое разделение, учащиеся университетов на танцы не ходили, их не интересовали красотки в мини-юбках с «пчелиными ульями» на голове и парни, которые приходили туда только чтобы подраться. Но одновременно происходило и еще кое-что: ребята с танцплощадок вдруг начали посещать клубы, где играли ритм-энд-блюз.

Мы сколачивали «Роллинг стоунз» почти целый год, не было никаких выступлений, только репетиции. И вот мы уже живем все вместе — Брайан, Мик и я, в квартирке на Эдит-грув, вместе с одним типом по имени Фелдж. Он заслуживает особого упоминания хотя бы потому, что был неописуемо безобразен (впрочем, мы с Брайаном мало чем от него отличались). Мик как раз проходил через свой первый «шизовый» период — он щеголял в женском халате на голубой подкладке. Настоящий городской сумасшедший! Он пребывал в таком состоянии примерно полгода, и все это время мы с Брайаном помирали со смеху...

Где-то через полгода наша берлога совсем захирела — мы репетировали на кухне, просто потому, что там было не так жарко. Дело дошло до того, что мы начали запирать двери кухни на замок, чтобы хоть туда не проникала вонь и грязь.

В то время я весь ушел в магнитофонную запись. У меня был дешевый магнитофон, а микрофон я подвел в туалет. Аппарат стоял на полу моей кровати. Знаете, сколько у меня собралось записей спуска воды! Между прочим, в плохой магнитофонной записи это слышится как аплодисменты! Вот чем мы тогда занимались. Без затей ребята.

Тогда-то и вышел первый диск «Битлз». У них была губная гармошка, они исполняли песни Чака Берри, и мы были сражены наповал. Начиналась «битломания». Вдруг все боссы помешались на новых группах, и Алексис Корнер получил контракт на запись диска! Он стал такой знаменитостью, что забросил выступления в клубе, и знаете, кто занял его место? Не кто иные как... «Роллинг стоунз». Наконец-то мы начинаем зарабатывать достаточно для того, чтобы не протянуть ноги. И на нас идут!

— *Интерес публики привлек Эндрю Олдхэма, он стал продюсером вашей первой пластинки. Говорят, он считал, что гитару надо подключать к обычной электрической розетке?*

— Эндрю был очень молод, даже моложе, чем мы. У него не было своей группы, но он оказался невероятно пробивным, с фантастической энергией. Он сумел заинтересовать нужных людей и добился для нас первых контрактов.

— *Это Олдхэм решил, что в «Роллинг стоунз» должно быть только пять музыкантов?*

— Да, и он собрался выпереть Стюарта. А тут Брайан Джонс начал понимать, что ситуация выходит из-под его контроля — изначально ведь идея создания группы принадлежала Брайану. Так что именно Брайану пришлось объяснить Стюарту, каким наш продюсер видит имидж группы, и что он, Стюарт, никак в этот имидж не вписывается. Будь я на месте Стюарта, я бы просто послал всех к черту. Но он остался и превратился в нашего сейшнмена — это было очень благородно. Хотя бы потому, что к тому времени мы уже становились звездами: послушать нас приходили сами «Битлз»!

— *А потом «Роллинг стоунз» отправились в свое первое большое турне по Англии?*

— С Литтл Ричардом, Бо Диддли и «Эверли бразерз». С теми, на чьей музыке мы росли.

— *Вскоре после этого турне вы на себе ощутили, что такое поп-истерия...*

— Вышел наш сингл «Not Fade Away», и началась «стоунзмания». Каждый вечер творилось что-то невероятное. Нам никогда не удавалось закончить концерт, это было невозможно: после первых двух номеров девицы начинали штурмовать сцену. Чтобы спасти жизнь, надо было убегать. Меня душили дважды. Я носил цепочку на шее, както раз она перекрутилась, и одна крошка вцепилась в один конец образовавшейся петли, вторая — в другой. Это был кошмар! Лично я предпочел бы ежедневную честную уличную драку.

— *А через несколько месяцев после выпуска альбома «Роллинг стоунз» впервые побывали в Штатах.*

— Мы думали: вот это награда! Мы же летим в Америку! Да просто попасть туда! Для парней вроде меня и Чарли Уоттса Америка была волшебной страной. У нас ведь не было ни малейшего шанса попасть туда хоть на экскурсию! Америка не для таких, как мы. Господи, а тут нам еще собираются платить за то, что мы будем играть для американцев! Мы чуть не спятили от счастья.

— *И турне оказалось прибыльным?*

— Вот уж нет! Я помню, что в Омахе, в зале на пятнадцать тысяч мест, было всего около шестисот зрителей.

— *Но, говорят, на обоих побережьях вас все же принимали отлично, не так ли?*

— Да, а в глубинке мы не пошли. Даже во втором турне, в начале 1965 года, мы еще играли для пустых залов. После выхода «Satisfaction» народ потек на стадионы, но эти пустые города! А ведь именно там мы учились своему ремеслу, учились, как строить концерт, когда в зале на пять тысяч мест сидит сотня зрителей. Но ты играешь для этих немногих, и зал начинает ходить ходуном, и все уже забыли о пустых местах, об этой громадной пещере — именно так со сцены выглядит пустой зал.

— *Считается, что песня «Satisfaction», а также другие хиты тандема Джеггер-Ричардс и создали вашу аудиторию.*

— Здесь на сцену вновь выходит Эндрю Олдхэм. После первого альбома Эндрю сказал: «Пора писать свои вещи — можно сделать еще один-два альбома на чужом материале, но без нового, своего — не обойтись». Я сказал: «Это не моя работа».

И что он сделал? Запер нас на ночь в кухне и сказал: «Без песни не выходите». Мы посидели и написали «As Tears Go By»...

— *Кстати, о песне «Satisfaction» — это правда, что вы написали ее во сне?*

— Верно. Я услышал первый аккорд во сне — со мной такое происходит не часто, а тогда было в первый раз. Гитара лежала у постели, там же стоял мой «Филипс», самый первый кассетный магнитофон. Я проснулся, схватил гитару и... «я не получаю никакого... удовлетворения... я не получаю никакого... удовлетворения...»

Наутро я первым делом включил магнитофон и обнаружил, что лента смотана до самого конца. Я перемотал на начало, там было тридцать секунд «Satisfaction» и сорок пять минут моего храпа.

на стр. 28 ▶

КАЖДЫЙ ГОД ВО ФРАНЦИИ в декабре стартует международное ралли Париж — Дакар, которое журналисты окрестили «великой автомобильной авантюрой». Как всякая авантюра, это — риск и для людей (иногда смертельный), и для техники. А еще это фантастически захватывающее зрелище, собирающее только в одной избалованной международными соревнованиями Франции до 5 миллионов зрителей. Что говорить о больших и малых странах Африки, по которым проходит маршрут ралли!

Промчались, прогрохотали моторами по африканским городам и весям автомобили и мотоциклы, переполошив местных жителей и оставив им клубы гари, пыли и... мечты. Мечты, которые незамедлительно, буквально по горячим следам ралли воплощаются в такие вот классные таратайки, работающие, понятное дело, на мускульной энергии.

Хорошо известно, что ралли — это прежде всего настоящие мужчины и надежная техника. Но ведь все начинается с малого...

НОВОСТИ МУЗЫКИ. Как вы знаете, в начале века многие выдающиеся композиторы и пианисты записывали свои произведения для «механических пианино» — запись делалась с помощью специальной перфорации в бумажных роликах. С изобретением новых, более удобных видов звукозаписи мода на «механические пианино» ушла, и ролики эти сохранились лишь у коллекционеров. Недавно Общество любителей музыки Джорджа Гершвина с помощью оптического сканирования перевело «бумажные» записи композитора на компьютерные диски, а уж с их помощью новый инструмент — дисклавир — воспроизводит истинное звучание Гершвина-пианиста. Затем тот же компьютер делает и нотную запись этих произведений.

Эта же техника позволит донести до современного слушателя записи Рахманинова, Равеля и Дебюсси, которые очень любили «забавляться» с бумажными роликами.

В РАССКАЗЕ О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО В КРУПНЕЙШЕМ ПАРИЖСКОМ КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ «ЗЕНИТ», невозможно ограничиться сухими фактами, поскольку никогда еще в истории подобных торжеств не лилось столько слез. Пальма первенства в рыданиях принадлежала Ванессе Паради, которая получила главного «Цезаря». (Любимая у нас Патриция Каас стала обладательницей приза за экспорт французской песни.) Первые слезы полились у нее, когда организаторы торжеств предложили спеть Ванессе Паради принесшую ей победу песенку «Ля Жаванэз», допеть которую она так и не смогла. Успокаивать девушку бросился композитор и певец Сэрж Гэнзбур. Но, увидев знаменитого певца, Ванесса разразилась такими слезами, от которых Гэнзбур зашелся в хохоте, переходящем в... рыдания. Эдди Митчел, старейшина певческого цеха Франции, бросился на помощь коллегам... и тоже не смог сдержать слез. Многотысячный зал «Зенит» при этом рыдал от смеха. Вот она, сила искусства!

А ЧТО РИСУЮТ!

— Господи, я уже двадцать лет слышу, что «все, что тебе нужно,— это любовь»! Между прочим, «битлы» и по дому помогали!

«Штерн», Гамбург

«ДО НАЧАЛА НАЧАЛ НИЧЕГО НЕ БЫЛО В МИРЕ: только пицца и любовь, ля-ля-ля. Я, ты и розы. Я, ты и любовь. Я и ты, ты и я, вместе с луной нас трое. Я звоню тебе тридцать раз, тридцать раз ты мне не отвечаешь... Чао, аморе, чао, бамбино!»

Итальянцы частенько посмеиваются над собой, вот они и создали песню-пародию, включающую обычные мотивы фестивалей в Сан-Ремо: любовь, забастовки, «семь тысяч чашечек кофе», море, голос любимой, Нью-Йорк и Амстердам, полночь, солнце далеких островов — и снова любовь. Сан-Ремо ругают, Сан-Ремо критикуют, Сан-Ремо пародируют, и все же каждый год мы с нетерпением ждем как встреч со старыми любимцами, так и новых открытий. Последний сезон принес публике такой сюрприз: дебют Розалинды Челентано, дочери столь знаменитого в нашей стране певца и актера. Молодая певица очаровала слушателей, которые единодушно решили, что она унаследовала не только талант, но и жизнелюбие отца.

ПРАВА ПРЕЗИДЕНТА. «Лучше умереть, чем есть цветную капусту!» — помните восклицание Малыша из книжки Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше»? Оказывается, Малыш не одинок в своей ненависти к замечательному диетическому продукту: примерно так же высказался недавно президент США Джордж Буш. «Меня все заставляли есть цветную капусту — мать, жена, теперь я — президент, и наконец-то могу делать что хочу!»

СРЕДИ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ растет число тех, кто хочет выглядеть «настоящим, крутым парнем», потому все больше они занимаются бодибилдингом. А поскольку «строительство тела» — дело долгое и трудное, то кто-то решил помочь себе специальными медикаментами. И выяснилось — причем при обстоятельствах прискорбных, потому что один из «качков» в полицейской форме просто-напросто застрелил нарушителя уличного движения,— что длительный прием таких средств повышает агрессивность. Теперь в США идет тотальная проверка всех «накачанных» полицейских: выясняется, кто из них нарастил мускулы естественным путем, а кто представляет опасность для окружающих. Надо сказать, полицейское хамство в США не поощряется и даже преследуется по закону.

ПИК «ЛАМБАДЫ» МИНОВАЛ — это следует признать со всей присущей нам принципиальностью. Снова все танцуют по-разному. Но, видно, человечеству так хочется иметь объединяющий всех танец, что вопросов «А что танцуют?» — не счесть.

В дискотеках США сейчас танцуют под новую музыку — так называемую «домашнюю»: в каждой дискотеке своя «домашняя», «хаус мюзик». Она появилась в начале 80-х в одной из дискотек Чикаго и распространилась по всей стране: каждый диск-жокей, заимствуя фрагменты разных записей, добавляя партии синтезаторов, электронных ударных, приправляя все собственными куплетами, «варит» свою смесь. Таким образом можно создавать бесконечное количество самых разных «музык».

Ди СНАЙДЕР

КУРС ВЫЖИВАНИЯ

для подростков

Если ты еще ничего не решил

Как ты понимаешь, мы продолжаем разговор о выборе профессии. Спроси любого малыша, кем он хочет быть, когда вырастет, и он, не задумываясь, ответит: «Президентом», или «бейсболистом», «знаменитым актером», «Ди Снайдером» — последняя профессия одна из самых популярных. В теории каждый хочет стать большой шишкой, начальником, самым главным козлом. В действительности же очень немногие обладают необходимыми для этого качествами, а главное — желанием и способностью приносить жертвы ради достижения цели. Попробуй честно ответить на следующие вопросы:

Чего ты добиваешься? Власти? Престижности?

Нравится ли тебе помогать другим?

Ты предпочитаешь работать в коллективе или самостоятельно?

Что для тебя важнее: деньги или самоудовлетворение?

Обладаешь ли ты характером, который позволит тебе отдавать распоряжения, требовать их исполнения, а также направлять других?

При выборе профессии деньги не должны быть единственным решающим фактором. В идеале профессия должна позволить тебе наиболее полно выразиться и раскрыть свои таланты. Не так давно такой взгляд на работу казался абсолютно нереальным. Считалось, что человек редко получает удовлетворение от своей работы, тем более — хоть как-то самовыражается через нее. Единственной наградой всегда был еженедельный чек. Но в 60-е годы, время великих социальных и культурных перемен, люди стали искать сферу деятельности, которая имела бы для них смысл не только материальный.

Очень важно, чтобы работа доставляла тебе радость — потому что ненависть к ней ты будешь испытывать не только с девяти до пяти, она будет отравлять твою жизнь круглосуточно. У меня был наглядный пример — мой старик. Совмещение двух профессий, полицейского офицера и страхового агента — причем обе оказывали на него изрядное давление — превратило нашу жизнь в кошмар. Но когда он вышел в отставку, ему предложили должность судебного исполнителя — и самочувствие папаши заметно улучшилось.

Если ты проводишь рабочее время в непрерывном поглядывании на часы, на самом деле ты следишь, как постепенно уходит твоя жизнь.

В нашем обществе все больше обостряется дух соперничества, успех играет слишком большую роль. Подростки поставлены в такие условия, что они должны выбирать свой путь в жизни как можно раньше — и вряд ли это можно считать нормой. Хотя бы потому, что твои интересы и пристрастия могут измениться. И потом теория — одно, а практика... Некоторые оканчивают колледж и сразу же выясняют, что их интересует совсем другое дело. Иногда для реализации желаний необходимо как минимум закончить еще один колледж. Кроме того, сейчас все больше и больше людей за тридцать и даже за сорок радикально меняют свои занятия. Очень многие вынуждены возобновлять учебу, поскольку стремительное изменение технологии делает их прежние занятия бесполезными.

Известная тележурналистка Барбара Уолтерс как-то выступала перед выпускниками одного престижного колледжа. Она сказала, что когда закончила свой колледж, то не имела ни малейшего представления относительно будущей жизни. «И,— продолжала она,— маловероятно, что вы тоже точно представляете себе свое будущее. Более того, и не надо, чтобы вы его представляли». Спасибо, Барбара, я бы не мог сказать лучше.

Однако я все же считаю, что иметь цель очень неплохо. Это уменьшает давление (общества и кровяное). Я знал, чем буду заниматься, и ясность задачи и способы ее решения оказались для меня существенными факторами в достижении успеха, тогда как многие мои друзья только начинали шевелить мозгами: чем бы нам таким заняться? Наличие цели поможет тебе сфокусировать свою энергию. Только отдавай себе отчет, что ни одно решение не может быть абсолютным и что в любое время в твоей жизни могут произойти перемены. Или ты сам захочешь этих перемен. Вот бессмертные слова моего младшего брата Фрэнка: «Если я говорю, что собираюсь что-то сделать, это совсем не значит, что я это сделаю». Великолепно!

Определение сроков

Все, чего ты желаешь добиться, требует определенных вкладов. Причем не только денежных. Ты можешь установить для себя расписание: «Если через пять лет я не стану признанным писателем, то вернусь в школу и получу аттестат зрелости»,— но все кончится тем, что ты не сделаешь ни того, ни другого.

Я присоединился к «Твистед систер» в возрасте двадцати одного года. Старик скептически осведомился (в сотый раз), как долго я намерен «валять дурака», прежде чем восстановлюсь в колледже или же займусь «настоящим делом». Я подумал и ответил: «Четыре года». Почему я назвал именно эту цифру, не имею понятия, но такой промежуток времени казался мне реальным для достижения хоть чего-нибудь. Тогда это казалось вечностью. Я решил, что к двадцати пяти годам добьюсь успеха.

Но мой четвертьвековой юбилей прошел, а я был там же, где и четыре года назад, и успех группы отнюдь не достиг того уровня, на который мы рассчитывали. Старик саркастически заметил: «Ну, так что? Ты сказал четыре года». Этого времени оказалось недостаточно. Если бы «Твистед систер» просто держались на поверхности, возможно, я бы уже сменил свои сценические лохмотья на строгий костюм банковского служащего. Или присоединился к другой группе. Но с каждым годом мы прогрессировали как музыканты, зарабатывали все больше денег, у нас появлялись новые поклонники — «Твистед систер» создавали себе репутацию.

До тех пор, пока ты прогрессируешь, не заблуждаясь при этом насчет своих возможностей, не бойся все свое время посвятить цели. Это как марафон: когда ты добежал до финиша, проделанный путь уже не кажется изнурительным. Главное — результат. И совершенно неважно, сколько тебе в это время лет: двадцать один, двадцать пять или двадцать девять — именно столько было мне, когда «Твистед систер» наконец добились своего. Может быть, достижение показалось нам еще более значительным, потому что потребовало такого времени. Скажу тебе еще кое-что: чем старше ты становишься, тем меньше будешь чувствовать себя старым. Когда тебе пятнадцать, восемнадцать лет кажутся тебе возрастом, в котором прилично занять место на кладбище, но вот тебе восемнадцать, ты подходишь к зеркалу и, хм, пока еще не старик! Но тридцать? Столько вообще не живут!

Окончание. Начало см. в № 7—12 за 1989 год и 1—6 за этот год.

Живут, приятель, и еще как: большинство не приходит к настоящему успеху раньше тридцати, сорока, а еще чаще — пятидесяти лет. Эти люди всегда рвутся к своей цели и не позволяют возрасту или времени становиться у них на пути. Будь таким же, как они.

Пользуйся благоприятной возможностью

Поскольку стоимость жизни достаточно высока, все больше молодых людей приходят к мысли, что надо подольше задержаться в доме предков, даже уже учась в колледже или работая. Старайся использовать это время — когда у тебя еще нет семьи, а финансовая ответственность еще не очень большая,— как свое самое большое преимущество. Отсюда ты можешь стартовать в будущее.

Два моих приятеля приобрели подержанную машину для подстригания газонов и занялись обработкой соседских лужаек. Им было по двенадцать лет. Они заработали деньги и купили новую газонокосилку. Постепенно приведение газонов в порядок стало для них бизнесом, а бизнес приносил хороший доход. Поскольку они продолжали жить с предками, их расходы были минимальными и они смогли вкладывать почти всю прибыль в дело.

Когда братьям исполнилось семнадцать — а они были братьями, и, надо сказать, редкими козлами,— это был уже немалый бизнес: они обзавелись двумя грузовиками, на которых перевозили свое оборудование, а в их подчинении уже работало тринадцать взрослых — при этом штаб-квартира все еще помещалась в гараже их мамаши. Бизнесмены купили себе по новенькому «форду», на которых шикарно подруливали к школе. По-моему, нет смысла говорить, что от девчонок отбоя не было. В восемнадцать лет они купили сельскохозяйственный питомник, в девятнадцать — продали дело за полмиллиона долларов, приобрели еще более солидный питомник и к двадцати двум годам превратили его в мультимиллионный бизнес. Неплохо для двух парней без отца, мать которых жила на социальное пособие!

Рассматривай этот период своей жизни как самую благоприятную возможность и не бойся рисковать. Я верю в риск — в конце концов, что в нашей жизни абсолютно безопасно?

Пойми меня правильно. Если твоя работа не приносит доход, измеряющийся шестизначной цифрой, это вовсе не означает, что ты потерпел жизненный крах. Не каждый обладает способностями и, главное — желанием приносить жертвы, которые для этого необходимы.

Престижность профессии? Для большинства моих знакомых это не имеет абсолютно никакого значения. По-моему, нет ничего лучше, чем быть хорошим отцом своих детей и другом своих друзей. Нет ничего плохого в том, что ты не мечтаешь о титуле шефа гигантской корпорации — некоторые находят определенный кайф в том, что не стремятся к карьере. А человек, в конце концов, не просто приложение к своей должности. Шестнадцать часов каждый день ты не работаешь, в это время ты занят самим собой и можешь самовыражаться так, как тебе нравится.

Но, по-моему, слишком многие продают себя задешево. А все потому, что боятся чуть-чуть рискнуть — им кажется, что это поставит под удар все их предыдущие достижения, нарушит привычную монотонность жизни, в которой они научились находить удовольствие. Я убежден, что ни в коем случае нельзя расслабляться и почивать на лаврах.

Еще до того, как «Твистед систер» подписали контракт на выпуск пластинок, группа работала — и неплохо зарабатывала — в сети клубов Нью-Йорка, Нью-Джерси и Коннектикута. Однако мы всегда большую часть заработка откладывали, оставляя себе минимум. Почему? Потому что мы видели, как другие группы, находившиеся в аналогичной ситуации, постепенно привыкали к таким заработкам и теряли амбиции: зачем еще куда-то стремиться, когда есть деньги, работа? А слава... зачем? Мы поклялись, что никогда не скатимся до их уровня — мы не позволяли огню погаснуть и старательно раздували угли. Не так-то это легко, должен тебе сказать. Многие наши коллеги сдались обстоятельствам.

И я рад, что мы не пошли на поводу лени и удобств —

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

наша вера в успех, наши устремления сделали свое дело. В 1983 году мы подписали контракт с фирмой «Этлэнтик рекордз» и выпустили альбом «Невозможно остановить рок-н-ролл», первый «гигант» на ведущей фирме. В Америке пластинка раскупалась не так чтобы очень, но в Англии две песни из нее вошли в хит-парад и диск за две недели стал «золотым». Фирма известила нас, что следующий альбом мы должны оплачивать из своих средств: это означало, что если бы «Оставайся голодным» прогорел, на «Твистед систер» можно было бы ставить крест.

Но мы победили — только в США альбом разошелся более чем двухмиллионным тиражом. Наша мечта сбылась — через двадцать лет после того, как я в восхищении смотрел выступление «Битлз» в Америке. Я уверен, что если бы «Твистед систер» не воспользовались шансом, мы никогда не преуспели бы.

Оставайся голодным! Отличный совет. Эй, у кого-нибудь есть сэндвич?

Колледжи и институты (или высшее образование)

Моя учеба в колледже была весьма показательна. Я поступил в Нью-Йоркский политехнический институт главным образом для того, чтобы доставить удовольствие предкам и своей подружке; учился я на факультете радиоэлектроники и телемеханики.

Мне кажется, что я выбрал этот колледж только потому, что его аббревиатура звучала очень впечатляюще — Эн-ай-ти.

— А где ты учишься?

— О, в Эн-ай-ти.

— Да ну! Эм-ай-ти! Массачусетский технологический институт? Один из самых престижных в стране!

— Да нет, в Эн-ай-ти.

— Эн-ай-ти? А что это такое?

Я так толком и не узнал, что это такое, потому что через год бросил учебу и полностью отдался рок-н-роллу.

Если у тебя нет желания продолжать учебу, наверное, самое правильное — после окончания школы пойти работать. (Если, конечно, ты не решил круглосуточно развлекаться.) Но обрати внимание вот на какой факт: люди с высшим образованием зарабатывают в год в среднем на десять тысяч долларов больше, чем выпускники школ. Конечно же, диплом не является сертификатом умственных способностей: возможно, когда-нибудь ты окажешься в ситуации, когда придется обращать внимание на реальные способности людей, а не на их впечатляющие «корочки». Но тем не менее сегодня диплом высшего учебного заведения пока еще значит очень много.

Однако очень многие студенты так и не становятся сколь-нибудь заметными специалистами. Наличие диплома вовсе не означает, что ты автоматически станешь великим бизнесменом, выдающимся воротилой шоу-бизнеса или специалистом в области детской психологии. Диплом даже не гарантирует тебе и высоких заработков (несмотря на средние показатели).

Как узнать, есть ли смысл получать высшее образование? Твои тройки и двойки в школе могут служить великолепным индикатором: если они у тебя есть, лучше о колледже забыть, подумай лучше о работе на бензозаправке. (Шутка.) Что же касается выбора карьеры, то вначале сформулируй свои цели в жизни, обдумай свои сильные и слабые стороны, и только потом решай, в каком направлении тебе стоит двигаться.

Кода

Ты решил, что все уже кончено,
Но огонь еще горит.
Мне казалось, ты понимаешь меня,
Помнишь, я говорил тебе:
«Пока я не добьюсь успеха,
Я не могу считать себя свободным».
Я слишком много страдал, я чувствую раздражение —
Моих усталости и гнева хватит на несколько жизней
И они не идут на убыль.
И чем больше меня охватывает ярость,
Тем дальше уходит покой и безмятежность.
Огонь еще горит...

Песня группы «Твистед систер» «Огонь еще горит»

На отрочестве жизнь не кончается!

«Взгляни на себя! Ты же ничто! Ты просто огромный ноль, и ты навеки останешься этим глупым нолем!» — слова моей бывшей подружки, когда мне было девятнадцать лет.

Итак, что нам известно? Очень крупный в масштабах школы козел, огромный ноль, добился успеха. Некогда самый непопулярный школьник сейчас имеет собственные клубы популярности. Я реабилитирован! Когда-то, очень давно, я сказал: «Вы не правы, и я докажу это». Я сказал это своей бывшей подружке, коллегам-упаковщикам, которые дразнили меня «звезда рок-н-ролла», всем, кто пытался отговорить меня от осуществления мечты. И я доказал.

Великая вещь — «золотые» и «платиновые» альбомы. Великая вещь деньги, которые получаешь со своих песен и от продажи пластинок. После стольких лет борьбы за существование приятно сознавать, что сейчас моя семья ни в чем не нуждается. Но знаешь, что самое лучшее? Рассказ обо мне в воскресном приложении к газете «Ньюсдей сандей»: когда я был подростком и после школы разносил почту, эта газета была самой популярной среди соседей, учителей, позже — моих сослуживцев по универмагу, моих друзей, врагов, членов группы. И когда там появилось интервью со мной, я знал точно — все они его прочитают.

Казалось, окончена глава моей жизни. Больше ничего не надо доказывать. Единственный, на кого есть смысл производить впечатление,— я сам, а это не так портит здоровье.

Так что, как ты понимаешь, тот ореол, который возникает вокруг тебя в юности, вовсе не останется на всю жизнь. По крайней мере, он ничего не решает. Вполне возможно, тебе не захочется так долго ждать успеха, как пришлось ждать мне. Может быть, ты и прав: хотя мои амбиции начали реализовываться спустя много лет, эффекты моей программы самоусовершенствования дали первые результаты, когда мне было всего семнадцать. Ты увидишь, что по мере приближения окончания школы ты уже можешь управлять своей жизнью: ты словно марионетка, перерезавшая свои ниточки. Посмотри, вот уже твоя левая нога двигается туда, куда надо тебе, вот и правая пошла! Ты начинаешь думать самостоятельно, ты выражаешь свое собственное мнение, и тебя все меньше и меньше волнует, что о тебе думает толпа. Ты начинаешь пробовать себя в таких областях, которые раньше казались тебе недостижимыми,— может быть, ты обнаружишь у себя скрытые таланты.

Старшие классы

Последние несколько месяцев выпускного класса — это очень эмоциональный период в жизни большинства школьников: «Все, никакой школы!» Словно двенадцать лет ты карабкался на неприступную гору и вот добрался до уступа, с которого просматривается вершина. Ты смотришь вниз и облегченно вздыхаешь. Фу! Наконец-то. Но в следующий момент ты понимаешь, что, кроме этой вершины, придется взбираться и на другие, каждая из которых будет не ниже.

Впервые у тебя появляются по-настоящему взрослые чувства: ты уже никогда не увидишь своих одноклассников, а некоторых ты знал двенадцать лет. Они даже не были твоими друзьями, но всегда составляли часть твоей «окружающей среды». Даже самые жуткие школьные козлы. Кто знает, с какими козлами тебя сведет жизнь потом, на работе или в колледже?

Может возникнуть ощущение страха. Но ты получишь такую свободу, о которой даже не подозревал. Для некоторых первые шаги в новом «реальном мире» сопровождаются подлинным шоком. Внезапно в действие вступают совершенно новые ценности и новые законы: словно прежний мир вывернули наизнанку.

В школе ты был самым лучшим футболистом, и вдруг выясняется, что это обстоятельство, делавшее тебя героем района, никак не помогает в жизни, если ты, конечно, не планируешь стать профессиональным спортсменом. А такие качества, как интеллигентность и скромность, вызывавшие насмешку местных идиотов, теперь привлекают к тебе девушек, новых знакомых. А тот, кто никогда не полагался на собственные силы и кого невысоко оценивали все, кроме него самого, вдруг, оказалось, обладает какими-то немыслимыми талантами, те же, кто раньше «выставлял оценки», оказались бестолочами.

Ты свободен — ты можешь начать все сначала, или же продолжить то, что начал в школе. Выбор за тобой.

Что такое успех?

Для многих успех означает возможность делать другим гадости, которые когда-то делали им: «Теперь моя очередь!» Это распространенное явление в мире бизнеса, и не только, но его последствия очень болезненны. Ты получаешь пинки и оплеухи, но когда входишь в силу, готов действовать точно так же по отношению к другим,— даже по отношению к тем, кто никогда тебя не обижал.

Должен сознаться, это довольно соблазнительно. Но я видел, как это глупо, и решил никогда так не поступать. Я, как одержимый, преследовал свою цель, иногда мне приходилось принимать трудные решения, которые, возможно, причиняли кому-то боль, но я никогда не действовал подло или со злобой. Одним из таких наиболее трудных поступков было решение уволить моего друга из группы, потому что как барабанщик он никуда не годился. Тогда я впервые понял, что правильные поступки не всегда доставляют удовольствие. Но в то же время я никогда не брал людей за горло, а это, кстати, настолько принято в нашем бизнесе, что некоторые находят в этом удовольствие.

Сегодня я довольно часто откладываю все свои дела и помогаю молодым музыкантам избежать болезненных и неприятных ударов, которые в изобилии сыпались на бедных «Твистед систер»: я помогаю новичкам и получаю удовольствие, когда вижу, что моя помощь идет на пользу. Конкуренция в нашем мире невероятно сильна, но если ты можешь довольствоваться тем отражением, что видишь в зеркале, или, по крайней мере, в состоянии честно сказать: «Я пытаюсь сделать из этого идиота самого достойного человека»,— то не имеет никакого значения, сколько ты зарабатываешь, какая слава ходит за тобой по пятам или какой властью ты обладаешь. Куда важнее, насколько ты богат духовно и морально,— и не менее важно, какое положительное воздействие ты оказываешь на других. (Самое лучшее, когда ты молчишь и никого не беспокоишь своими мудрыми мыслями, все равно лучше Снайдера не скажешь.)

А знаешь, кто был для меня олицетворением успеха? Я был совсем юным козлом, а в нашем квартале жил парень, которого звали Эл Хоффман, он работал кондуктором. Работенка так себе, не очень романтическая, во всяком случае, очень мало шансов, что о тебе напишут в газетах или покажут по телику. Но он производил впечатление человека, который без ума от своей работы; у него была жена, и он ее боготворил; еще он держал пару машин, в том числе новенький «корвет». И у него был свой дом. Дом тоже ничего особенного, как у моих предков, но выглядел стильно. Когда мне было шестнадцать, я думал: «Черт возьми! У Эла есть все!» Наверное, узнай он о том, что малолетний придурок ему завидует, он бы лопнул от смеха!

Несмотря на все разногласия, которые у нас возникали, я считаю своего старика достаточно преуспевшим в жизни. Он вырастил шестерых оболтусов, работал как проклятый, чтобы в доме все было — мебель, пища, игрушки и даже моя, невыносимая для него электрогитара; постепенно он улучшал уровень нашей жизни. Может быть, никакого явного вознаграждения за свои труды он и не получил, но он отец шестерых человеческих существ, а это значит чуть больше, нежели «золотые» диски, развешанные по стенам твоего дома. Это несколько иная форма успеха, но то, что это тоже успех,— несомненно. (Что же касается осязаемого вознаграждения, то купи альбом «Твистед систер» «Выходи и играй» и посмотри на обратную сторону конверта — видишь размалеванного придурка, самого длинного, с самой глупой рожей? Вот это и есть награда моего старика!)

Был бы я менее удачлив, если бы не стал рок-музыкантом? Искренне надеюсь, что нет. По крайней мере, я был бы все таким же любящим мужем и отцом, и если бы я не поставил себе цель в области музыки, я бы наверняка задался какой-нибудь другой, и был бы так же настойчив в ее достижении.

Взрослея, ты поймешь, точнее — столкнешься с горькой правдой: не все твои фантастические амбиции, казавшиеся такими реальными в детстве, осуществимы. Например, вряд ли ты будешь первым человеком, который откроет закусочную «Макдональдс» на Сатурне. Даже наверняка не будешь. И без скафандра в космос ты тоже не выйдешь. (Хотя, кто знает, может быть, ты из этой редкой породы абсолютных идиотов.) Это не значит, что надо поставить крест на мечте: просто тебе придется согласовать ее с действительностью. Может быть, ты будешь вторым. Но тебе придется научиться удовлетворять самолюбие не по самому максимуму — в конце концов, я не Пол Маккартни, как это ни прискорбно. Это особенно касается подростков, которые с нетерпением ждут «взрослости», чтобы стать... у-у-у-у! Самым-самым! Не выйдет, все самые-самые уже давно есть. А взрослым ты непременно станешь, не торопись. Радуйся этим благословенным денькам, которые ты сейчас переживаешь, не понимая своего счастья (да ты, видно, редкий козел, зря я в этом сомневался). А если тебе что-то не нравится в твоем нынешнем положении, сделай что-нибудь и попробуй его исправить.

Кто такой взрослый? (И почему я должен им становиться?)

Быть взрослым — это значит... Это ничего не значит. По крайней мере, у каждого свой взгляд на этот вопрос. Так, ничего конкретного. Некоторое представление об этих забавных взрослых можно получить из телепрограмм: у тебя будет здоровенное брюхо и ты будешь курить трубку. Точно! Некоторые думают, что когда ты станешь взрослым, ты забудешь свои детские фантазии — так вот все это чушь!

Я знал одного мужика, которые в 50-е годы стучал в джаз-оркестре — у него одного из первых был «форд-мустанг», он гонял на «харлее» и играл в теннис: это был активный, веселый, счастливый и стильный долбак. Потом он женился. На следующий день после свадьбы это чучело продало свои шикарные тачки, ударную установку он отнес в чулан, а чулан замуровал. Он решил для себя, что детство кончилось. Сейчас он начал Настоящую Жизнь. Стал Человеком.

Я взрослый (черт побери!), я отец (хотя вряд ли выгляжу, как твой папаша). Но быть взрослым вовсе не значит отказываться от своей мечты, это значит обладать свободой ее осуществления, не отчитываясь при этом ни перед кем, кроме самого себя. Поэтому я написал песню «Не хочу становиться взрослым» — это мой ответ тем, кого так интересует, когда я перестану валять дурака. Когда перестану? Да я только начал!

Я все еще несусь навстречу своей судьбе, я все еще голоден. Что? Ты считаешь, что я уже всего достиг? Никоим образом. Всегда хочется большего, и я отправляюсь за этим большим. Давай вместе.

Ради этой книжки я расковырял свое прошлое, а это именно то, чем мне никогда не хотелось заниматься. Надеюсь, что некоторые мои воспоминания помогут тебе лучше понять и приспособиться к обстоятельствам собственной жизни. И хотя времена несколько изменились, думаю, основные проблемы взросления остались теми же. Подростки всегда страдают, когда наступает период поиска себя, утверждения личности — они проходят через эти стадии, они восстают против родителей.

Уверен, что через десять или пятнадцать лет у меня

снова возникнут эти проблемы, только на этот раз отцом буду уже я. Я уже сейчас кое-что вижу: я, с седыми длинными патлами (или изрядно оплешивевший, не дай Бог, конечно!), и мой сын, выбирающий из кучи лазерных дисков что-то мощно-космическое.

— Эй, Джесси,— говорю я, доставая из пыльного чулана древний экземпляр «Оставайся голодным»,— как насчет того, чтобы ради разнообразия послушать старую пластинку отца? Мне кажется, тебе это должно понравиться. Вот песня «Мы не принимаем этого» — знаешь, я написал ее для парней как раз твоего возраста.

— Ой, па,— раздраженно говорит Джесси, притопывая ногой и изображая смертельную скуку,— опять этот дурацкий хэви-метал? Так громко, такое старье! От этого гитарного рева у меня трещит голова. И, кроме того, мне надо пойти позаниматься: завтра экзамен по Моцарту, фортепианный концерт ми-бемоль. Так что ты не возражаешь, если мы выключим этот хлам?

— Хлам?! Да этим «хламом» я оплатил дом, в котором ты сейчас живешь, молодой человек! Я в твои годы... Ля, ля, ля...

Я абсолютно уверен, что мой сын отвергнет мои идеалы, мои жизненные ценности, и хотя я готовлю себя к этому, одна мысль все же убивает меня: в тот день, когда он не захочет, чтобы мать сделала ему искусственную татуировку «как у папы», я чувствую себя как мой старик, когда мы стали отказываться гулять с ним. «Слушай, па, я сейчас занят...»

А когда я начну советовать ему, как разговаривать с девчонками, или уверять его, что рано или поздно парень получит свое, он, вероятно, махнет рукой и скажет:

— Знаешь, отец, я не прочь поговорить, но мне уже пора.

— Куда?

— Да ждут меня, понимаешь, ждут.

А когда он уйдет, я просуну эту книжку под дверь его комнаты.

Думаешь, он прочтет ее? Ну ты даешь! Конечно, нет, это же мой сын!

Перевел с английского Н. КАРЛИН

Конец

со стр. 21 ▼

— А пока Джеггер и Ричардс тянули свою цепочку хитов, некоторые члены команды, например, Брайан Джонс, постепенно теряли форму?

— Брайан был странным парнем. Комбинатор высшего класса. Он пошел на то, чтобы создать в группе раскол. Когда у вас полно времени, с этим можно примириться. Но во время гастролей, когда все вкалывают, готовят следующее выступление — а их ежегодно по триста сорок, и так на протяжении четырех-пяти лет,— на эти фокусы не хватает терпения. Чем тяжелее становилась работа, тем яснее было видно, насколько трудно иметь дело с Брайаном, как он сам попадает в дурацкие ситуации, когда пытается хитрить. Он был в очень плохом состоянии, отдалился от всех остальных. Он вполне созрел для медицинского вмешательства, больница по нему плакала. Ему была необходима помощь. Атмосфера накалялась. Брайан пытался покончить жизнь самоубийством, и после этого он уже не пришел в себя. Он ударился в наркотики — его засосала психоделическая эра. Это были объятия смерти.

— После кризиса, вызванного смертью Брайана, «Роллинг стоунз» продолжали катиться по наклонной плоскости и докатились до самого неприглядного факта своей карьеры: Атламонт. Этим концертом закончилась эра психоделии. «Ангелы ада» убили молодого негра, который почему-то размахивал пистолетом. Они сделали это прямо перед сценой, в тот момент, когда Мик исполнял песню «Under My Thumb» («Всецело в моих руках»). Откуда вообще взялись «ангелы ада»?

— Мы решили поступить в духе хиппового времени. Мы наняли «ангелов» охранниками, чтобы они следили за порядком... Но никто не виноват, даже «ангелы». В определенном смысле парень, которого убили, сам на это напросился.

— Возможно, раз он вынул пистолет перед «ангелами»...

— Оглядываясь назад, я думаю: могло ведь быть еще хуже. В общем, гордиться тут нечем.

— После этой истории многие увидели в вас чуть ли не воплощение дьявола. Вас трижды арестовывали за обладание наркотиками, как вы считаете, это происходило действительно из-за наркотиков?

— Наркотики были предлогом. Причина в том воздействии, которое, как казалось властям, мы оказывали на публику.

Я никому не рекомендовал бы наркотики, но жизнь музыканта... Не думаю, что кто-то поймет меня. Как бы там ни было, это жизнь «на дне». Музыкант начинает работать тогда, когда все остальные свою работу закончили и желают развлекаться. Если с работой все в порядке, вы играете триста пятьдесят дней в году, вам хочется выступать на каждом концерте. И вскоре вы достигаете такой стадии, когда, сидя в гримерной рядом с какими-то другими музыкантами, устало говорите: «Мне сейчас предстоит проехать пятьсот миль и завтра дать два концерта. Но у меня уже нет сил. Как же вы умудряетесь работать так годами?!» А они отвечают: «На, возьми одну штучку».

Все дело в следующем концерте. Как пилоты бомбардировщика — если назавтра надо было бомбить Дрезден, они принимали четыре или пять таблеток бензедрина и держались. Но тогда это считалось нормальным, «законным». Именно так это и начинается.

— Вы когда-нибудь предполагали, что перешагнете роковую черту?

— Я всегда ощущал запас прочности. У меня в роду все были здоровяками, и я умудрялся выкарабкиваться там, где любой другой оказался бы покойником. Умерли многие — да и я должен был умереть...

— Люди нашего поколения, принимавшие в юности наркотики, сейчас ужасаются мысли, что их дети могут заняться тем же. Они боятся, что дети пойдут по их пути, начнут думать о себе как о...

— Как о неразрушимых, вечных? В молодости необходимо так думать. Это та сила, которая заставляет жить. Когда ты становишься взрослым и обзаводишься ребенком, в голову приходит множество разных мыслей. Ребенок — это твое, только твое, ты тоже участвовал в его сотворении. Он чистый и невинный, он улыбается тебе, целует тебя, ласкает — все, что ему надо, это чувствовать тебя, касаться тебя, ты никогда в жизни не ощущал такой любви. Это та малость любви, которую ты дал своим родителям, та малость, которую ты и не помнишь — теперь ее возвращает тебе твой ребенок. И ты понимаешь: мне только что подарили первые два или три года моей жизни.

...Вот ведь что интересно: никакая другая форма жизни на Земле, кроме человека, не нуждается в искусстве! Уже одно это делает нас странными существами, словно невидимый палец направлен в нашу сторону: «Им здесь нечего делать». Вот почему мы единственная форма жизни, которой нужна религия, которая может перебить друг друга во имя какой-то абстрактной идеи. И нельзя сказать, что мы этого не понимаем. Мы понимаем. Но мы же такие умные! Мы все знаем, но не можем остановиться. Нам проще убить ближнего, чем сделать так, чтобы всем было удобно.

— Но как можно остановить все это?

— Любопытно, что музыка всегда идет впереди любой другой формы искусства или любой другой формы самовыражения. Я говорил это миллион раз: после воздуха, пищи, воды и секса музыка, возможно, следующая по значимости потребность человека. Если как следует подумать, во многом причины изменений, сближения в отношениях сверхдержав обусловлены предыдущими двадцатью годами музыки.

— Вернемся к теме нашего интервью. Какие изменения вы хотели бы видеть в «Роллинг стоунз»?

— Я бы хотел, чтобы парни стали чуть счастливее, хотя бы потому, что каждый из них — «Роллинг стоунз».

Сокращенный перевод с английского С. КАСТАЛЬСКОГО

«УВАЖЕНИЯ!»

«...Я — как дерево, что каждый год меняет листву, или как змея, которая каждый год сбрасывает кожу: я все время меняюсь, и не боюсь этих перемен. Но ненавижу, когда кто-то пытается изменить меня или навязать мне какой-то образ действий или мыслей — я долго шла к этой свободе, свободе самостоятельно решать, что мне нужно, а что — нет, чтобы позволить кому-то ее ограничить. Даже дети, двадцатилетняя Чэстити и Элия Блю, ему тринадцать, знают, что их мама — свободный человек. И их я воспитывала свободными».

(Ну-ка, посмотрите на это лицо — у этой женщины двадцатилетняя дочь?)

«Когда-то, когда я только начинала свою взрослую жизнь, когда вышла замуж за Сонни, мне приходилось о многом просить. Больше я никого ни о чем не прошу — я просто не ставлю себя в такое положение, когда то, что я хочу, от кого-то зависит. Я верю в достоинство, но не верю в то, что достоинства ради вы должны сидеть на месте и ничего не делать. Иногда трудно идти вперед, тогда просто отступай в сторону. Но назад — ни шагу».

«Самое главное в жизни — не уходить прочь, услышав первое «нет». Каждый человек обладает силой и способностью изменить свою жизнь. Изменить жизнь другого человека — трудно, но себя вы можете изменить всегда».

...Рассказ об американской киноактрисе Шер целиком можно было бы построить на ее высказываниях — настолько цельная и сильная личность предстает перед нами даже после этих трех цитат. Но, в отличие от других зарубежных кинозвезд, судьба Шер мало знакома нашим зрителям. А вот любители популярной музыки — из тех, кому сейчас за тридцать,— хорошо помнят известную в конце шестидесятых — начале семидесятых певицу Шер.

Шерилин Ланьер Саркисян (отец — армянин, мать — наполовину француженка, наполовину — индианка чероки) родилась сорок три года назад в Лос-Анджелесе, и, как сотни тысяч лос-анджелесских девочек, мечтала стать актрисой. Тем более что мать после развода с отцом вынуждена была зарабатывать на хлеб в маленьких театриках — она была не слишком-то успешной актрисой и манекенщицей. («Мы иногда и ели не досыта — кстати, поэтому я до сих пор люблю поесть, и мне каждый день по полтора часа приходится заниматься гимнастикой. Но больше я страдала от того, что у меня не было красивых платьев»,— вспоминает Шер.) Шер даже брала уроки сценического мастерства в одной из сотен приютившихся в «Городе снов» актерских студий, но после двадцати уроков «формальное образование» закончилось.

В семнадцать лет она встретила Сальваторе Филлипа Боно, он стал ее мужем, «он же заменил мне отца, старшего брата и наставника». Сонни Боно был на десять лет старше и зарабатывал на жизнь «попевками» в одной из студий грамзаписи: «Его «о-о-о» и «а-а-а» записаны на многих пластинках знаменитых певцов тех лет, у меня был небольшой голос, так что Сонни тоже пристроил меня на «о-о-о» и «а-а-а». Так бы оно и продолжалось, если бы один из друзей-продюсеров не посоветовал им сделать семейный дуэт — тогда семейные группы были в большой моде. Четыре первых пластинки дуэта «Сонни и Шер» прошли совершенно незамеченными. Сделать себе имя в Америке не удавалось, и, по совету того же продюсера, они отправились в Англию.

Шел 65-й год — даже «Битлз» еще выступали в галстуках... Сонни и Шер, в отчаянно ковбойских нарядах, потрясли сначала таможенников Лондонского аэропорта, а затем портье гостиницы, где им должны были забронировать номера, но что-то там не состыковалось и... И тут подоспел оказавшийся в холле гостиницы телерепортер, который усмотрел возможность сделать сюжет для городских новостей — о том, насколько «неэффективно работает администрация английских гостиниц», тем более что пара выглядела весьма колоритно. Сюжетец с гостиницей, а заодно и с парой никому не известных американских певцов прошел в эфир — чем не бесплатная реклама?

Некоторое время проработав в Лондоне, дуэт вернулся в Америку. Там вовсю бушевало «британское вторжение» — мода на английских рок-музыкантов. И поначалу Сонни и Шер тоже «шли за англичан», что способствовало их успеху. Успех был ровный, но не выдающийся. И в 1973 году Сонни и Шер расстались.

Шер начала работать соло, у нее было даже свое шоу в Лас Вегасе, она стала зарабатывать неплохие деньги — но всерьез ее не принимал никто. Так, красивая певичка, склонная к экстравагантным нарядам, известная бурными романами и чересчур откровенная в интервью. Не более того. «Я буквально погибала в этом Вегасе: меня не уважали те, кого уважала я». Шер хотела быть серьезной актрисой.

В конце семидесятых режиссер Роберт Олтман предложил ей небольшую роль в одной из своих театральных постановок. Она блестяще справилась с задачей, затем сыграла ту же роль в снятом Олтманом фильме.

А все остальное — это уже история кино. Шер — партнерша Мэрил Стрип в фильме «Силквуд», основанном на документальной истории — истории жизни и гибели сотрудницы одной из американских исследовательских лабораторий, разрабатывавших очередной «атомный проект». За эту роль Шер была выдвинута на премию «Оскар» по категории «второстепенных ролей». Работа с выдающимся режиссером Питером Богдановичем над фильмом «Маска». «Шер—одна из наиболее талантливых женщин, которых я когда-либо встречал»,— говорил о ней Богданович, а Мэрил Стрип добавляла: «Она очень переживает из-за того, что у нее нет настоящего актерского образования. Но ей это и не нужно — ее игра основана на инстинкте, интуиции, а это очень редкое качество».

Успех в «Иствикских ведьмах», «Подозреваемом», и, наконец, премия «Оскар» за «Лунатика» — таковы ступени восхождения Шер. Она поздно стала звездой — долго пробыв «звездочкой», а такое случается редко. «Звездочки», как правило, не вырастают в звезды.

«Жизнь научила меня не бояться неудач. А неудачницей я себя чувствовать никогда не буду. Просто не позволю. У меня другой характер.

Душой я осталась там, в шестидесятых, с их стремлением к личной свободе, пусть даже за нее надо дорого платить. Я плачу за свою свободу каждый день, и на это мне ничего не жалко. Я не боюсь возраста, я не боюсь того, что обо мне могут подумать. Я не боюсь «испортить репутацию» моих детей — главное, чему я их научила: самим платить за свою репутацию. Да, я не «символ респектабельности» — но мне не нужно уважение тех, кто чтит лишь символы».

П. ВАГИНА

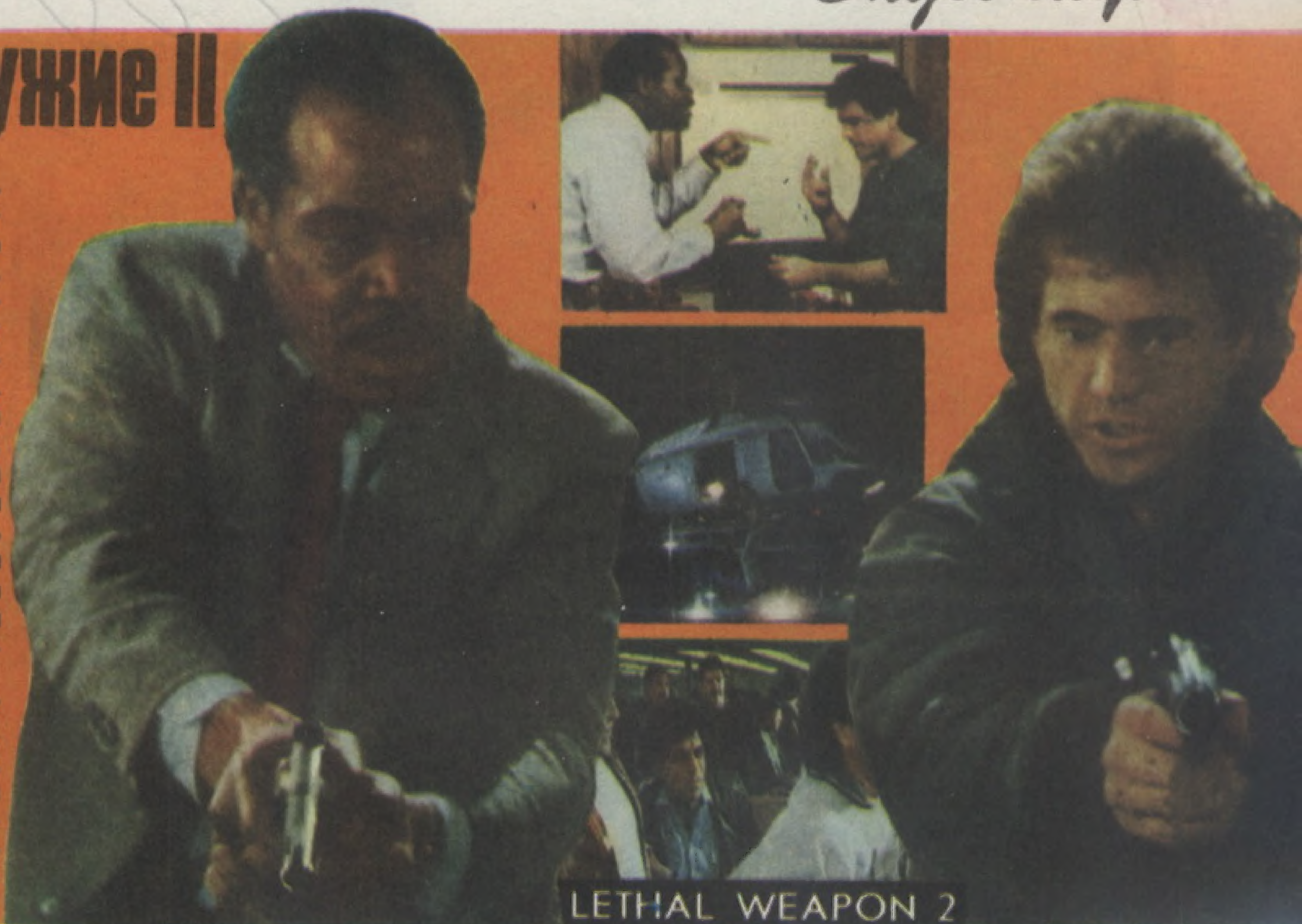

Cher

Смертельное оружие II

СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ-2. США. 1989 г. 1 ч. 51 м. Реж. Ричард Доннер, сцен. Джеффри Боум по сюжету Шейна Блэка, комп. Майкл Камен, Эрик Клэптон, Дэвид Санборн. В ролях: Мел Гибсон (Мартин Риггз), Дэнни Гловер (Роджер Мюрто) и др.

Рисковый Мартин Риггз и тихий отец семейства Роджер Мюрто, составившие в первой серии «Оружия» прекрасную пару для «полицейского» фильма, вновь возвращаются на экраны, чтобы защитить некоего Лео Гетца, на которого имеют зуб его шефы по работе, а на самом деле — торговцы наркотиками.

№ Опус № 2 сильно уступает первому уже потому, что сюжетные ходы часто повторяются. По всей видимости, создатели «Оружия» намереваются в дальнейшем проэксплуатировать сюжет до состояния много-многосерийного телефильма.

LETHAL WEAPON 2

ЧЕЛОВЕК ДОЖДЯ. США. 1988 г. 2 ч. 13 м. Реж. Бэрри Левинсон, сцен. Рональд Басс и Бэрри Морроу, комп. Ганс Циммер. В ролях: Том Круз (Чарли Бэббит), Дастин Хоффман (Рэймонд) и др.

Герой фильма, которого играет Том Круз, из завещания отца узнает, что у него есть старший брат, уже много лет находящийся в психиатрической лечебнице. Общение с братом, забота о нем превращают бесшабашного и не очень-то совестливого молодого дельца в совершенно нового, чуткого и доброго человека. Этот высокогуманный фильм, получивший несколько премий «Оскар», окончательно закрепил за Томом Крузом славу новой звезды не только американского, но и мирового кинематографа.

ЧЕЛОВЕК ДОЖДЯ

RAIN MAN

Носферату — фантом ночи

NOSFERATU — FANTOM DER NACHT

НОСФЕРАТУ — ФАНТОМ НОЧИ. ФРГ. 1978 г. 1 ч. 43 м. Реж. и сцен. Вернер Херцог. В ролях: Клаус Кински (граф Дракула), Изабель Аджани (Люси), Бруно Ганц, Ролан Топор и др.

По названию и по именам героев сразу же можно определить жанр этого произведения — фильм ужасов (раз в нем присутствует «вампир вампиров» — граф Дракула). Но ужасы ужасами — в фильме их хватает — да только ужасы не те, что в большинстве произведений подобного рода. Потому что снят он выдающимся режиссером, и играют в нем актеры из «первой десятки» мирового кино.

Граф Дракула в исполнении Клауса Кински — мягкий, страдающий человек, которого терзает его ужасная страсть; героиня Изабель Аджани — сомнамбулическая, одержимая идеей смерти молодая женщина; ее муж, «заболевший» вампиризмом и тоже от этого страдающий; сцены пришествия в маленький немецкий городок чумы — все это снято с такой тихой, прекрасной печалью, что фильм, оставаясь в рамках жанра, все же превращается в настоящее произведение искусства.

ЛАБИРИНТ

Астерикс

ASTERIX

LABYRINTH

АСТЕРИКС. ФРАНЦИЯ, ФРГ. 1989 г. 1 ч. 20 м. Реж. Филипп Гримо, комп. Мишель Коломбье, сцен. Я. Вогт и А. Кабатек по альбомам комиксов художников Госсини и Удерзо. Мультипликация Кейт Ингам.

Астерикс — забавный галльский воин, герой многочисленных французских комиксов — по своей экранной популярности вполне может соперничать с Мики Маусом. Сюжеты бесконечных приключений Астерикса и его друзей Обеликса и Панорамикса пересказать невозможно. В самой свежей серии «Астерикс и удар по памяти» Обеликс, не подозревающий, какой он обладает силой (в детстве его выкупали в котле с волшебным эликсиром), роняет огромный монумент на голову колдуну Панорамиксу. Тот забывает формулу волшебного эликсира, и подлые римляне, прознав об этом, в очередной раз пытаются покорить гордых галлов...

ЛАБИРИНТ. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. 1986 г. 1 ч. 36 м. Реж. Джим Хенсон, сцен. Терри Джонс, комп. Дэвид Боуи и Тревор Джонс. В ролях: Дэвид Боуи, Дженнифер Конелли и др.

Этот фильм — прелестная сказка о приключениях юной девушки. Она должна пройти полный опасностей лабиринт, чтобы вызволить из замка гоблинов — достаточно зловредных существ — своего маленького брата. Ей не только удается спасти малыша и победить Короля гоблинов (чью роль исполняет знаменитый Дэвид Боуи), но и завести себе новых друзей. Фильм полон прекрасной музыки, и песни из него вошли в одну из пластинок Дэвида Боуи.

LA FILLE DE 15 ANS

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ. ФРАНЦИЯ. 1988 г. 1 ч. 30 м. Реж. и сцен. Жак Дуайон, комп. Р. Шуман. В ролях: Юдит Годреш (Жюльетт), Мелвил Пупо (Тома), Жак Дуайон (Вилли).

Этот фильм участвовал в последнем московском кинофестивале, и наша критика посчитала его претенциозным и... эротическим. Однако «Пятнадцатилетняя» даже по старым нашим меркам не заслужила таких отзывов. Режиссер Жак Дуайон из фильма в фильм с тщательностью и осторожностью настоящего ученого исследует тайны человеческой души. Дуайон помещает своих персонажей в практически замкнутое пространство и заставляет их достигать такой степени откровенности, что у непривычного зрителя вполне может возникнуть ощущение неловкости, на которое, впрочем, и рассчитывает Дуайон, стремящийся показать, как мучительно дается искренность.

А сюжет «Пятнадцатилетней» незатейлив: отец с сыном-подростком берут с собой в отпуск на море пятнадцатилетнюю подругу сына Жюльетт...

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.